

АДМИРАЛЪ ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ НАХИМОВЪ.

(къ стр. 38.)

802-14
1921

ЧТЕНІЕ ДЛЯ СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ **ВЫСОЧАЙШАГО** СОВѢЩАНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ВНИЖЕА ШЕСТАЯ.

№№ 21, 22, 23 и 24.

Съ приложеніемъ семи рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

и команды съ потопленныхъ кораблей назначить на батареи и бастионы. Храбрые начальники черноморского флота, Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ получили новое, трудное назначеніе—оборонять съ сухаго пути свой родной городъ.

Послѣ смерти Корнилова, смертельно раненаго ядромъ 5 октября, при первомъ бомбардированіи Севастополя, Наховъ заступилъ мѣсто главнаго начальника войскъ въ Севастополѣ, и доблестно исполнялъ эту трудную обязанность до самой смерти своей, 28 июня 1855 года. (*) Адмиралъ Нахимовъ былъ смертельно раненъ штурцерною пулею въ високъ въ то самое время, когда онъ, облокотясь на насыпь бастиона, осматривалъ подступы неприятельскіе, и соображалъ мѣры противудѣйствія врагамъ. Черезъ нѣсколько дней онъ скончался, оплакиваемый всеми защитниками Севастополя.

Теперь въ «многострадальномъ» Севастополѣ, уже почти возобновленномъ изъ развалинъ, виднѣются въ храмѣ во имя св. князя Владиміра, четыре могилы знаменитыхъ начальниковъ Черноморскаго флота: адмираловъ Лазарева, Корнилова, Истомина и Нахимова. Этотъ храмъ послужитъ лучшимъ памятникомъ доблести, мужества и самоотверженія моряковъ, грудью защитившихъ свой родимый Севастополь.

К. Т—въ.

(*) Подробности о дѣятельности адмирала Нахимова при защитѣ Севастополя и о его кончинѣ, будутъ помѣщены въ статьѣ: «Севастополь и его доблестные защитники.»

РАЗСКАЗЫ СОЛДАТА О ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

I.

Путь отъ С.-Петербурга до Оренбурга.—Городъ Оренбургъ.—Верблюды.—Дорога изъ Оренбурга въ Орскъ.—Казачьи станицы.—Гумберлинскія горы и станица Гумберли.—Русскіе форты въ степи.—Киргизская степь.—Фортъ Карабутахъ.—Киргизская почта.—Киргизы.—Солончаки.—Почтовые станціи.—Уральское укрѣпленіе.—Степь Каракумы.—Степные переходы на верблюдахъ.—Аральское море.—Фортъ № 1.—Аральская флотилія.—Рѣка Сыръ-Дарья.—Перекаты.—Отмели и заманихи.—Половодье.—Камыши и колючка.—Фортъ № 2.—Карагузякъ и Джаманъ-Дарья.—Заросли.—Тигры.—Постъ Кубашъ.—Каналь.—Куванъ-Дарья.—Фортъ Перовскій.—Саксауль и джигда.—Фортъ Джулекъ.—Яны курганъ.—Развалины Саурана.—Городъ Туркестанъ.—Дервиши.—Путь отъ Туркестана до Ташкента.—Рѣка Арысь.—Деревня Иканъ.—Чемкентъ.—Станція Шарапъ хана.

— «А что, братъ Денисьевъ, чай тебѣ, на твоёмъ вѣку пришлось не одну сотенку верстъ исходить по нашей матушкѣ Россіи, всего понаглядѣлся?» спрашивалъ однажды унтеръ-офицеръ Савченко у молодого, браваго солдата Денисьева, прибывшаго въ Петербургъ съ командой изъ 7-го Оренбургскаго баталіона.

— «Еще бы!» отвѣчалъ Денисьевъ, «вѣдь ужъ гдѣ я не перебивалъ! Самъ-то я родомъ изъ Казани, а зачисленъ былъ на службу въ Оренбургскій гарнизонъ. Четыре года прослужилъ я въ гарнизонѣ, а въ 1862-мъ году—спасибо начальству—перевели меня въ линейный баталіонъ на службу, значить, въ степныя войска.

— «Что жъ, развѣ въ степи лучше служить, что-ли?»

— «А еще бы! Служба наша хоть и трудна,—надо правду сказать,—да зато, братъ, ужъ тутъ каждый солдатъ

приучается своимъ умомъ раскидывать, какъ себя на походѣ устроить, чтобы нужды не терпѣть, да какъ въ сраженіи управляться, чтобы одному отбиться отъ десятыхъ Бухарцевъ, али тамъ отъ Коканцевъ, что-ли!»

— «Такъ тебѣ приходилось бывать и въ сраженіяхъ съ Бухарцами?»

— «Приходилось, братъ, да еще и не разъ! Вѣдь я былъ при штурмѣ Ташкента, былъ и въ битвахъ при Ирджарѣ, Джузакѣ, Мурза-Раббатѣ, первый влѣзъ на стѣну, когда брали приступомъ Ходжентъ. За это мнѣ и Егорья дали.»

— «Э, братъ, такъ ты человѣкъ бывалый,» съ удивленіемъ сказалъ Савченко; «не зналъ я этого, а то бы давно съ тобой поразговорился, да поразспросилъ бы тебя кое-о-чемъ. Вотъ и товарищи тоже, вѣрно ужъ не прочь послушать твоихъ разсказовъ.»

— «Чтожъ, я пожалуй буду разсказывать; вѣдь иной разъ, когда нѣтъ ученья, такъ и по-пусту пробалагуришь, а не то спать завалишься.»

— «Скажи же ты мнѣ перво-на-перво,» продолжалъ Савченко, «гдѣ это Туркестанская область, да города: Ташкентъ, Ходжентъ и Чемкентъ? Слыхалъ я, что наши войска взяли штурмомъ эти города и разбили Коканцевъ да Бухарцевъ, а гдѣ живутъ эти народы, мнѣ, признаться, и не въ домекъ.»

— «А вотъ я тебѣ все разъясню: если примѣрно, зачислятъ хоть тебя въ Оренбургскія линейныя войска (они расположены въ новозавоеванной Туркестанской области) и придется тебѣ ѣхать къ своему новому мѣсту службы, такъ поѣдешь ты сперва по чугункѣ до Москвы. На вторые сутки ты ужъ будешь въ Бѣлокаменной; стало быть, въ од-

нѣ сутки отбылъ ты болѣе 600 верстъ похода, (вѣдь отъ С.-Петербурга до Москвы считается по шоссейному тракту 674 версты). Изъ Москвы ты поѣдешь, тоже по чугункѣ, до Нижняго-Новгорода, и прибудешь туда также на вторые сутки. Стало быть, еще въ одинъ день отбудешь ты 390 верстъ похода. Дальше, за Нижнимъ-Новгородомъ ужъ нѣтъ чугунки, но зато течетъ наша широкая Волга-кормилица, а по ней ходятъ пароходы; значить и тутъ сообщеніе дешевое, скорое и удобное. На пароходѣ проплывешь ты внизъ по Волгѣ, вплоть до губернскаго города Самары. Тутъ ужъ пойдетъ почтовый трактъ, до Оренбурга.

— «А много приходится ѣхать до Оренбурга почтовымъ трактомъ-то?» спросилъ Савченко.

— «Всего 420 верстъ, а отъ Петербурга до Оренбурга считается всего на все 2087 верстъ. Разстояніе-то не маленькое, а между тѣмъ не забудь, что всѣ эти двѣ тысячи верстъ слишкомъ ты проѣдешь въ восемь сутокъ. Вотъ, значить, тутъ ты и поймешь, какъ полезны чугунки, да пароходы! И оглянуться не успѣешь, какъ ужъ и въ Оренбургъ пріѣхалъ.

— «Чтожъ это, красивый, большой городъ Оренбургъ?» спросилъ одинъ изъ солдатъ, слушавшихъ разсказъ Денисьева.

— «Оренбургъ городъ большой, только, братъ, ужъ какъ только въѣдешь ты въ него, сейчасъ видишь, что Азія близко. На базарахъ повстрѣчаешь ты и Хивинцевъ въ высокихъ шапкахъ съ наушниками, словно бы какъ чухонскіе малахай, и Бухарцевъ въ чалмахъ, и Персіанъ въ высокихъ бараньихъ колпакахъ. Много проживаетъ также въ Оренбургѣ и русскихъ подданныхъ, инородцевъ: Та-

г. Оренбургъ.

тарь, Калмыковъ, Киргизовъ, Башкиръ, и каждый-то изъ нихъ одѣтъ по своему, каждый говоритъ на своемъ нарѣчїи. Оренбургъ первый большой русскій, торговый городъ, близъ нашей азіатской границы; оттого сюда и собираются азіатскіе купцы изъ разныхъ ближнихъ и дальнихъ азіатскихъ странъ.

«Тутъ я, братцы, въ первый разъ увидалъ также и верблюдовъ. Идетъ это верблюдъ, высокій, тощій, на длинныхъ, тонкихъ ногахъ, съ длинною шеей, словно бы какой журавль четвероногій. А голова у верблюда точно овечья, очень на нее похожа. На спинѣ горбъ, а у иныхъ породъ верблюдовъ и по два горба; на эти-то горбы и навьючиваютъ купцы огромные тюки товаровъ. Идетъ верблюдъ съ тяжелою ношей, да покачивается изъ стороны въ сторону. Азіатцы всѣ свои товары возятъ по степямъ на верблюдахъ; не будь этихъ животныхъ—невозможно было бы азіатцамъ и вести торговлю».

— «Почему же это такъ?» спрашивали съ любопытствомъ солдаты.

— «А потому, что между русскими владѣніями и азіатскими землями лежатъ степи безплодныя. Ни одно животное: ни лошадь, ни волъ, не могли бы провезти по степямъ кладъ, при страшной жарѣ, да къ тому же еще иногда безъ корма и воды. А верблюдъ—выносливое животное».

— «Какія же эти степи-то безплодныя, расскажи по подробнѣе, братъ Денисьевъ, упрасивалъ Савченко.

— «А вотъ слушайте; я вѣдь рассказаль вамъ еще только про дорогу отъ Питера до Оренбурга, по чугункъ, на пароходѣ и на почтовыхъ. Этотъ путь легкій, удобный; но вѣдь Оренбургъ еще только на половинѣ пути отъ

Путь изъ
Оренбурга
въ Орскъ.

Петербурга до Ташкента, главнаго города новозавоеванной Туркестанской области. Вотъ дальше отъ Оренбурга къ Киргизскимъ степямъ дорога будетъ уже потруднѣе.

— «Отъ Оренбурга до Орска пройдешь ты еще 260 верстъ по почтовому тракту; этотъ путь также хорошо устроенъ. Вездѣ по дорогѣ встрѣчаются станціи и станицы Оренбургскаго казачьяго войска, вездѣ въ этихъ станицахъ можно достать, по крайности, хоть хлѣба да молока. Дорога идетъ по мѣстамъ холмистымъ, плодороднымъ, покрытымъ высокою, сочною травою. Особливо около станицы Гумберли, гдѣ проходятъ Гумберлинскія горы, мѣстность очень красива и живописна. Тутъ почтовая дорога проложена въ ущельѣ, по берегу рѣки Сакмары.

Орскъ—небольшой уѣздный городокъ на рѣчкѣ Ори; онъ лежитъ на самой границѣ русскихъ владѣній съ Киргизскими степями. Дальше, за Орскомъ начинается уже настоящая Киргизская степь. Въ старину по этой степи безнаказанно разѣзжали большія шайки Киргизовъ, грабили кого попало, отбивали овецъ (такой грабежъ у нихъ называется барантою), случалось, что грабили даже и почты. Вотъ, чтобы обуздать Киргизовъ, и построены въ степи небольшія укрѣпленія или *форты*.

— «Такихъ фортовъ много въ Киргизской степи. Первый фортъ, который ты встрѣтишь по степной дорогѣ, называется Карабутахъ; построенъ онъ на небольшой, степной рѣченкѣ. Въ степи почти всѣ укрѣпленія и посты построены при рѣкахъ или озерахъ.

Фортъ Карабутахъ

— «А, развѣ въ Киргизской степи тоже ходитъ почта?» спросилъ Савченко.

— «Ужъ лѣтъ пять какъ устроена тамъ почта, и со- держать ее Киргизы. Только плохо они привыкаютъ къ

Киргизская почта.

нашей почтовой ѣздѣ, да и лошади—то у нихъ степныя, не обѣзженныя. Потѣха смотрѣть, братецъ ты мой, какъ запрягаютъ Киргизы лошадей въ телѣгу, или въ дорожный тарантасъ! На иныхъ станціяхъ, поближе къ Орску, еще куда ни шло! Лошади обѣзженныя, да есть и почтари изъ Русскихъ; ну, а дальше въ степи, иногда вмѣсто станціи, построена одна только нежилая изба, и когда нужно, то Киргизы изъ табуна стогоняютъ къ этой избѣ степныхъ лошадей. Начнутъ запрягать лошадь, такъ хлопотъ—то сколько! Надо привести лошадь на арканъ изъ табуна; человѣка три держать лошадь, а четвертый надѣваетъ на нее хомутъ. Лошадь бьется, случается иногда что вырвется, да и махнетъ въ степь! Гонись тогда за нею, да снова лови ее арканомъ!

«Вотъ наконецъ запрягутъ лошадей и держатъ ихъ подъ уздцы крѣпко—на—крѣпко, пока всѣ усядутся въ тарантасъ. «Гайда! Трогай!..» Отскочатъ Киргизы въ разные стороны, и лошади понесутъ тарантасъ что есть духу. Хорошо еще, что степь ровная, а то бы и тарантасъ разлетѣлся въ куски. Тутъ ужъ лошадей не удержишь, пока они сами не изморятся. Сколько ни кричи ямицику, какъ ни уговаривай его ѣхать по-тише, онъ только усмѣхается, да твердить: «белмей», т. е. значить: «не понимаю».

— «Неужто Киргизы вовсе не понимаютъ по-русски?»

— «Иные понимаютъ, да немного. Народъ этотъ степной, почти полудикій. Иной разъ ѣдешь по дорогѣ, и видишь, какъ Киргизы разѣзжаютъ въ далекѣ, на своихъ тощихъ лошаденкахъ, въ уродливыхъ мѣховыхъ шапкахъ, съ длинною пикою въ рукѣ. Въ своемъ аулѣ имъ дѣлать нечего; вотъ они и разѣзжаютъ кругомъ, высматриваю

гдѣ что дѣлается, разспрашиваютъ другъ у друга про разные новости. Степь—то ровная, гладкая, покрытая невысокою травою; кругомъ далеко видно во всѣ стороны, а у Киргизовъ глаза чрезвычайно зоркія. Нашъ братъ, сколько ни гляди—ничего иной разъ не увидитъ, или замѣтитъ только вдаль какую нибудь черную точку; а Киргизъ сейчасъ же разглядитъ, что тамъ такое виднѣется, и скажетъ, всадникъ ли это или пѣшій, въ которую сторону онъ ѣдетъ, скажетъ даже въ чемъ онъ одѣтъ.

«Чудной народъ Киргизы! Вотъ тоже, къ примѣру сказать: у насъ мѣряютъ дорогу милями, верстами, саженьями а у Киргизовъ одна только мѣра—*чакрымъ*; такъ у нихъ называется разстояніе, съ котораго Киргизъ можетъ услышать человѣческій голосъ.»

— «Значить, Киргизская—то степь, словно какъ у насъ, въ Саратовской губерніи луговая мѣста,» замѣтилъ одинъ солдатъ.

— «Почти что такъ», отвѣчалъ Денисьевъ, «только *Солончаки* въ нашихъ луговыхъ степяхъ земля плодороднѣе, а оттого и растительности—то больше. Въ Киргизской степи чаще всего попадается полынь да ковыль; а нерѣдко встрѣчаются и такія бесплодныя мѣста, пропитанныя солью, или *солончаки*, на которыхъ, кромѣ лебеды, почти все ничего не можетъ расти. Въ сухое и жаркое время удобно ѣхать по этимъ солончакамъ; не слышно даже и стуку колесъ, катится телѣжка словно по шоссе, гладкой дорогѣ. А зато не дай Богъ ѣхать по солончаку осенью или въ дождливое лѣто. Грязью такъ облѣпить колеса и ноги лошадей, что хоть останавливайся, да ночуй въ степи!»

— «И вездѣ въ степи понастроены станціи?»

— «Почти вездѣ; только въ самой глубинѣ степи еще нѣтъ покуда станцій».

— «Какъ же тамъ смѣняють лошадей—то?»

— «А вотъ какъ: ѣдешь ты, примѣрно, по степи, и ужъ по твоему расчету, скоро долженъ ты и на станцію пріѣхать. Глядишь—глядишь впередъ, по дорогѣ... Нѣтъ, не видно ничего: ни избы, ни аула, ни даже одиночной юрты! Спросишь у ямщика, такъ тотъ ничего не понимаетъ по-русски, отвѣтитъ только свое: «белмей» (не понимаю). Часть, другой ѣдешь ты, наконецъ ямщикъ останавливается.—«Что такое?» спрашиваешь ты у какого нибудь Киргиза, который тутъ же, невдалекѣ, сторожитъ табунъ лошадей.—На станцію пріѣхали.—Да гдѣ же станція?... Кругомъ ровная степь, нѣтъ даже и юрты.—Да это мѣсто и есть станція; сюда, значить, велѣно пригонять изъ окрестныхъ ауловъ почтовыхъ лошадей...» Вотъ какія бываютъ иногда станціи въ Киргизской степи!

«Послѣ Карабутака, слѣдующій фортъ, куда пріѣдешь ты, будетъ Уральское укрѣпленіе, на степной рѣкѣ Ирғизѣ. Это укрѣпленіе тоже небольшое, какъ и Карабутакъ, да по крайней мѣрѣ хоть то ладно, что здѣсь можно запасаться водою на дальнѣйшій путь. А запасная вода въ степи необходима, иначе пропадешь отъ жажды. На тѣхъ станціяхъ, которыя находятся при озерахъ, да и во многихъ колодцахъ вода горько-солонватая, почти не пригодная для питья; только въ нѣкоторыхъ колодцахъ, а особливо въ рѣкахъ,—вода чистая, прѣсная. Оттого—то проѣзжіе по степи и запасаются заранѣе прѣсною, кипяченою водою, если знаютъ, что на слѣдующихъ станціяхъ вода непригодна для питья. Кто ѣдетъ въ степь изъ Россіи, тотъ всегда запасается въ Оренбургѣ или

Орскѣ дубовымъ боченкомъ, или еще лучше—бурдюкомъ для воды.

Самая трудная дорога начинается только отъ Ураль-
Степь Каракумы.
скаго укрѣпленія: эта часть степи называется Каракумы; въ прежнее время по степи Каракумы могли ходить только верблюды; теперь же и здѣсь устроены почты. Степь Каракумы, большею частію, бесплодная, песчаная, а впрочемъ и здѣсь попадаются мѣста, покрытыя густою травою, ковылемъ и степными растѣніями: гребенщикомъ, полынью, богородичною травою, дикимъ лукомъ, морковью и прочее».

— «Какъ, неужели въ Киргизской степи дико растутъ лукъ и морковь?» съ удивленіемъ спросилъ Савченко.

— «Хороша должна быть эта морковь», замѣтилъ одинъ солдатъ, «вѣрно ужъ безвкусная, жесткая, такъ что и зубомъ—то ее не укусишь».

— «Вовсе нѣтъ! Здѣшніе жители зачистую собирають степную морковь и ѣдятъ ее. Корень у дикой моркови длинный, тонкій и очень сладкій».

«Въ прежнее время, когда по степи возили товары только на верблюдахъ, переѣздъ черезъ Каракумы былъ очень затруднителенъ. Навьюченный верблюдъ обыкновенно можетъ идти не болѣе 7-ти верстъ въ часъ, и чтобъ не утомлять слишкомъ верблюдовъ, перегоны рассчитывали такъ, чтобы не ѣхать въ самые сильные жары. Пускались въ путь обыкновенно до разсвѣта, и къ 10 часамъ утра пріѣзжали на слѣдующую станцію. Съ 10 часовъ утра и до 5 часовъ вечера былъ отдыхъ, а въ 5-ть часовъ опять пускались въ путь, и къ 12 часамъ вечера пріѣзжали на ночлегъ. Стало быть, въ полъ-сутки верблюдъ проходилъ съ кладью почти 40 верстъ.

Степные
реходы и
верблюды

почтовыхъ
станцій.

уральское
укрѣпленіе.

«Далѣе прїѣдешь ты въ фортъ № 1, по-киргизски «урочище Казала», на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ; тутъ, еще не доѣзжая до форта, увидишь ты вдаль Аральское море.

— «Чтожь это за море такое?» спрашивали солдаты.

Аральское море.

— «А это, вишь ты, огромное озеро», отвѣчалъ Денисьевъ. «Въ Аральское море впадаютъ двѣ большія азійскія рѣки: Сыръ-Дарья, и Аму-Дарья, а на этихъ-то рѣкахъ и находятся главнѣйшія азійскія ханства: Коканъ, Бухара и Хива.

Фортъ Казала.

«Фортъ № 1, (или, Казала, какъ его часто называютъ) больше всѣхъ другихъ фортовъ, которые находятся на пути отъ Орска до Сыръ-Дарьи. При немъ находится довольно большой русскій поселекъ, въ 50 домовъ; строится тутъ церковь, есть школа, хлѣбный магазинъ и больница.

Рѣка Сыръ-Дарья.

«Отъ Казалы ходятъ по Сыръ-Дарьѣ пароходы, почти до самаго Ходжента, коканскаго города, взятаго Русскими штурмомъ въ нынѣшнемъ году. Пароходы эти нарочно принаровлены для плаванія по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. Надо тебѣ сказать, что рѣка Сыръ, хоть и широка, да на ней во многихъ мѣстахъ встрѣчаются песчанья мели и перекаты,—такъ называютъ здѣсь широкія мели, которыя тянутся сплошь отъ одного берега рѣки на другой. Мели эти переносятся безпрестанно теченіемъ по дну рѣки, такъ что плаваніе по Сыръ-Дарьѣ очень опасно. Иной разъ идетъ судно по такому мѣсту, гдѣ еще въ прошломъ году была большая глубина, и вдругъ садится на мель! Чтобы легче было проходить мелководныя мѣста, всѣ здѣшніе пароходы плоскодонные, и сидятъ въ водѣ очень не глубоко, до 3-хъ или даже до 2½ футовъ. Суда и пароходы, которые ходятъ по Сыръ-Дарьѣ и Аральскому морю, называются *Аральскою флотиліею*.

Аральская флотилія.

Пароходы Аральской флотиліи построены въ Россіи, изъ особаго, желобчатого желѣза, потомъ разобраны были по частямъ и перевезены сухимъ путемъ черезъ Оренбургъ, Орскъ и Карабутакъ въ Казалу, а здѣсь уже эти пароходы снова были собраны и спущены на воду.»

— «Неужто вправду аральскіе пароходы построены изъ желѣза?» съ удивленіемъ спросилъ Савченко.

— «Всѣ изъ желѣза; деревянная на нихъ развѣ только одна палуба.»

— «И много тамъ такихъ пароходовъ?»

— «Всего четыре: «Перовскій», «Араль», «Сыръ-Дарья» и «Обручевъ».

«Кромѣ отмелей много также затрудняютъ плаваніе по Сыръ-Дарьѣ, такъ называемыя *заманихи*.

— «Это еще что такое?» спрашивали солдаты.

— «Вотъ видишь ли, случается иногда, что на дно рѣки попадаетъ какъ-нибудь огромный пень дерева. Вода въ Сыръ-Дарьѣ мутная, илистая, оттого теченіемъ и начнетъ наносить на пень или карчу илъ и песокъ. Черезъ нѣсколько времени около карчи образуется небольшая мель, словно бы песчаная коса. Заманиху трудно замѣтить издали, и пока пароходъ не ударится о нее, до тѣхъ поръ никто и не знаетъ, что близко отмель.

«Вотъ, какъ пароходъ сядетъ на мель, останутся колеса, сейчасъ же спускаютъ на воду лодки, чтобы значить, осмотрѣть мѣсто и узнать простая ли это отмель, которую можно обойти, перекасть, или же заманиха. Если встрѣтился перекасть—тогда дѣло плохо! Надо во что бы то ни стало перетянуть черезъ него пароходъ до глубокой воды. И велятъ тогда всей командѣ идти въ воду, тянуть пароходъ. Случается иногда, что проработаютъ дня

два, а парохода не сдвинуть и на сажень. Стоитъ пароходъ въ бездѣйствіи, пока быстрымъ теченіемъ рѣки не подмоетъ подъ нимъ отмель. При мнѣ былъ одинъ такой случай: сѣлъ пароходъ на мель; работали, работали, тянули его впередъ—нѣтъ, ничто не беретъ! Рѣшились ужъ оставить пароходъ на мели до половодья, а сами поплыли на баркасахъ. Но только что отплыли мы версты три, не болѣе, какъ глядимъ—догоняетъ насъ пароходъ! Что такое? Оказалось, что вскорѣ послѣ нашего отбѣзда, мель подъ пароходомъ почти совсѣмъ размыло водою, пароходъ прибавилъ паровъ, и хотъ съ трудомъ, а перебрался—таки черезъ перекалъ.

«Чтобы не попасть на мель, пароходы обыкновенно ходятъ по Сыръ-Дарьѣ очень медленно, не болѣе 4 или 5 верстъ въ часъ. Да къ тому же еще, каждый пароходъ тянетъ за собою нѣсколько баржъ съ грузомъ, ну, такъ скоро—то идти ему и не по силамъ. Когда пароходъ плыветъ по рѣкѣ, то на носу парохода стоитъ всегда опытный матросъ, и непрерывно вымѣряетъ шестомъ глубину рѣки. Если глубина больше 7 футовъ, т. е. значить больше одной сажени, то матросъ молча машетъ рукою впередъ, значить, подвигайся смѣло. Если глубина 7 футовъ, матросъ поднимаетъ руку, показываетъ два пальца и кричитъ: «семь футъ.» Если глубина 6 футовъ, матросъ показываетъ одинъ палецъ, и кричитъ: «шесть футъ.» При глубинѣ 5 футовъ, матросъ просто показываетъ руку, и кричитъ: «пять футъ.» А если глубина 4 или 3 фута, то матросъ, не подымая руки, кричитъ только, сколько футъ въ глубинѣ.»

— «Ну, а если въ рѣкѣ окажется меньше 3 футовъ?»

— «Тогда нечего и извѣщать объ этомъ; значить, тог-

да уже пароходъ стоитъ на мели и не можетъ дальше двигаться.»

— «Такъ стало быть плаванье на Сыръ-Дарьѣ не очень-то спокойное и удобное?» замѣтилъ Савченко.

— «Въ половодье нѣтъ этихъ неудобствъ,» отвѣчалъ Денисьевъ, «а половодье—то продолжается только 3 мѣсяца: май, іюнь и іюль; въ августѣ вода уже начинаетъ понемногу сбывать. Впрочемъ, въ половодье другая бѣда: пароходъ легко можетъ тогда наткнуться на низменные рѣчные острова, которые въ половодье затопляются водою.»

«Берега Сыръ-Дарьи почти сплошь покрыты камышемъ и колючкою (такъ называется здѣсь кустарникъ въ родѣ терна съ крѣпкими и острыми иглами), а въ этихъ камышахъ лѣтомъ распложается такое множество комаровъ, что просто бѣда! На аральскихъ пароходахъ каждый матросъ запасается непременно холщевымъ пологомъ, а безъ этого и не заснешь ночью ни одной минуты!

«На берегахъ Сыръ-Дарьи во многихъ мѣстахъ находятся склады дерева для топлива, начиная отъ Казалы или форта № 1, и дальше до Ташкента. Объ этомъ должны заботиться жители Казалы и Киргизы изъ окрестныхъ ауловъ.

— «А много жителей въ Казалѣ?» спросилъ Савченко.

— «Человѣкъ 200 Русскихъ, да живутъ еще нѣсколько человѣкъ Бухарцевъ и Хивинцевъ по своимъ торговымъ дѣламъ. Приѣзжаютъ сюда и Киргизы на базаръ, привозятъ на продажу разныя свои издѣлія. Любопытно видѣть, какъ переправляются Киргизы черезъ рѣку, изъ своихъ ауловъ къ форту. Сплетутъ изъ камыша плотъ, наложатъ на него свои припасы, усядутся сами, а впереди, къ плоту привяжутъ лошадей. Киргизскія лошади привычны къ

водѣ, и ловко переплываютъ даже и такія быстрыя рѣки, какъ Сыръ-Дарья. Плыветъ лошадь и плотъ тянетъ за собою. Разумѣется, такая переправа не обходится иногда и безъ несчастій. Случается, что плотъ наткнется на плывущую карчу, перевернется,—и тогда Киргизу ужъ не до своихъ пожитковъ! Какъ бы только самому выбраться изъ рѣки по-добру, по-здорову!»

— «Чѣмъ же занимаются русскіе поселенцы въ Казалѣ?»

— «Сѣютъ хлѣбъ: пшеницу и ячмень, (рожь тамъ плохо родится), разводятъ бахчи, т. е., значить, сѣютъ арбузы, дыни, и ужъ какіе-же тамъ родятся арбузы!... Не въ примѣръ лучше астраханскихъ или нашихъ малороссійскихъ! Иные жители Казалы занимаются разными мастерствами: вѣдь въ фортѣ № 1 находится портъ и доки для Аральской флотиліи, стало быть, зачастую приходится чинить, то пароходъ, то баржу.

рть Кармакчи.

«Дальше по Сыръ-Дарьѣ расположенъ фортъ № 2, по-киргизски: урочище Кармакчи. Этотъ фортъ гораздо меньше Казалы (форта № 1); онъ окруженъ глиняною стѣною, а за нею построены: казармы, лазаретъ, часовня и разные склады. Весь гарнизонъ форта состоитъ изъ полуроты пѣхоты, 25-ти казаковъ и 8-ми артиллеристовъ, при 3-хъ орудіяхъ. При фортѣ находится также небольшой русскій поселокъ, хатъ въ 10-ть; всѣ эти хаты, да и самыя постройки въ фортѣ, выведены изъ глины и покрыты камышемъ.»

— «Небогатый-же это поселокъ; у насъ, въ Россіи пожалуй любая деревушка будетъ лучше его,» замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— «Да вѣдь всѣ эти форты временные: и Казалу, и

Кармакчи придется когда нибудь перенести на другое мѣсто.

— «Отчего же это такъ?»

— «А оттого, что Сыръ-Дарья съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе подмываетъ берегъ, и ужъ теперь подходитъ почти къ самому форту. Прежде, кажись въ 1843 году, построено было укрѣпленіе Аральское, у самаго Аральскаго моря, и тоже на берегу Сыръ-Дарьи. Когда же рѣкою размыло берегъ, Аральское укрѣпленіе было упразднено, а вмѣсто его построенъ фортъ № 1, или Казала. Когда и здѣсь размоетъ берегъ,—опять перенесутъ фортъ и поселокъ на новое мѣсто.»

— «Да ужъ, по моему, лучше бы съ-разу построить фортъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ Сыръ-Дарья не размываетъ берега,» замѣтилъ Савченко.

— «А гдѣ ты отыщешь такое мѣсто?» отвѣчалъ Денисьевъ. «Берега Сыръ-Дарьи глинистые и иловатые, а между тѣмъ нужно, во что бы то ни стало, имѣть для пароходовъ пристань, доки, да разные склады. Для проѣзжающихъ изъ Оренбурга въ Ташкентъ также выгодноѣ ѣхать берегомъ Сыръ-Дарьи; тутъ, по крайности, можно во всякое время застѣсь чистой, рѣчной водой.

У форта № 2 Сыръ-Дарья раздѣляется на два протока; правый протокъ называется Карагузякъ, а лѣвый — Джа-

Карагузякъ
и Джама-
нъ-Дарья.

манъ-Дарья; далѣе, у поста Кубашъ оба протока опять соединяются въ рѣку Сыръ-Дарью. «Эти два протока: Карагузякъ и Джама-нъ-Дарья, очень замѣчательны; вода въ Джама-нъ-Дарьѣ мутная, сѣрожелтоватаго цвѣта, а въ Карагузякѣ вода чистая, прозрачная, и кажется слегка зеленоватою, оттого, что дно рѣки покрыто зеленымъ иломъ. Когда у форта № 2 оба протока: Карагузякъ и Сыръ-Дарья соединяются въ одну рѣку, то

легко отличить у праваго берега рѣки зеленоватую воду Карагузяка, отъ мутной, желтой воды Джаманъ-Дарьи (у лѣваго берега).»

— «Отчего же происходитъ такая разница въ цвѣтѣ воды?»

— «А причина—то очень простая: вода въ Джаманъ-Дарьѣ течетъ очень быстро по мягкому, глинистому дну, оттого вода въ ней такъ и мутна. Глина не осѣдаетъ на дно и ее уноситъ быстрымъ теченіемъ. А Карагузякъ течетъ не такъ быстро, да еще, кромѣ того, на самой серединѣ этой рѣки находится обширная заросль, словно бы болото какое, покрытое камышемъ. Мутная вода и очищается, точно процеживается, проходя чрезъ эту заросль. Глина и иль, унесенные быстрымъ теченіемъ, осаждаются въ заросли, и вода течетъ далѣе чистою и свѣтлою.

«Въ камышахъ, на Сыръ-Дарьѣ водится много тигровъ—страшныхъ, хищныхъ звѣрей. Случалось въ прежнія времена, что тигры нападали даже и на проѣзжихъ, и уносили людей въ камыши.

— «Неужто тигры такъ сильны?»

— «А какъ же! Да разъ былъ вотъ какой случай: на дорогѣ, близъ рѣчныхъ камышей, палъ верблюдъ; его оставили въ грязи, посреди дороги, и хотѣли на другой день увезти его куда нибудь по дальше. Приходятъ по утру—нѣтъ верблюда! Оказалось, что тигръ унесъ его за версту, въ камыши; тамъ и нашли верблюда истерзаннаго, и уже полусѣдннаго.»

— «Что же, охотятся на тигровъ наши солдаты?» спросилъ Савченко.

— «Охотятся иногда, да только эта охота очень опас-

ная, потому и рѣдко являются желающіе попытать счастья въ такой охотѣ. Да теперь впрочемъ на Сыръ-Дарьѣ уже мало тигровъ. Эти звѣри лучше любятъ держаться въ малонаселенныхъ мѣстахъ. Вотъ, когда у Сыръ-Дарьи кочевали одни только Киргизы, тогда тиграмъ было раздолье! Поживы много—вѣдь у иныхъ, богатыхъ Киргизовъ, огромныя стада барановъ!»

«Дальше, за постомъ Кубашъ, гдѣ соединяются протоки: Карагузякъ и Джаманъ-Дарья, рѣка Сыръ течетъ большою излучиною; чтобы сократить баржамъ путь по этой излучинѣ, прорыть въ прошломъ году каналъ, шириною въ двѣ сажени и глубиною въ 1 сажень.

«Я уже сказалъ тебѣ, что отъ форта Казала (фортъ № 1), пароходы идутъ сначала по Сыръ-Дарьѣ, потомъ входятъ въ протокъ Джаманъ-Дарью, и наконецъ изъ этого протока входятъ опять въ Сыръ-Дарью.

«Джаманъ-Дарья по-киргизски значитъ *дурная рѣка*; и въ самомъ дѣлѣ она очень мелка, да еще, кромѣ того, на ней безпрестанно встрѣчаются перекааты и заманихи. Отъ Джаманъ-Дарьи отдѣляется еще одинъ мелкій протокъ Куванъ-Дарья. Съ виду-то кажется, что это небольшая рѣчка, впадающая въ Джаманъ-Дарью, но на самомъ дѣлѣ, вода въ Куванъ-Дарьѣ течетъ не въ Джаманъ-Дарью, а изъ нея.

— «А что значитъ по-русски Сыръ-Дарья?»

— «Сыръ-Дарья значитъ *большая рѣка*. Изъ форта № 2 проѣдешь ты берегомъ Сыра или на пароходѣ почти 200 верстъ, и пріѣдешь въ «фортъ Перовскій», бывший коканскій городъ Акъ-мечеть (по-русски значитъ: *бѣлая мечеть*). Этотъ фортъ большой, красивый; тутъ построены казармы, магазины, разные склады,

Ч. д. С. кн. 6.

5

больница, церковь, устроенъ кирпичный заводъ, разведенъ даже большой садъ, гдѣ могутъ гулять всѣ жители форта.

Около «форта Перовскаго,» степь уже не такая бесплодная, какъ около другихъ фортовъ. Тутъ растетъ *саксауль*, невысокое деревцо съ тонкими, длинными листьями, очень похожими на сосновую хвою. Саксауль замѣчательное дерево: оно такъ крѣпко, что топоръ его не беретъ и тупится при рубкѣ; если опустишь ты кусокъ саксаула въ воду, то онъ потонетъ, словно желѣзо или камень. А между тѣмъ, для построекъ саксауль вовсе не годится: онъ такъ хрупокъ, что даже толстый обрубокъ или пенекъ саксаула можно разбить въ мелкіе куски, какъ будто какой-нибудь кусокъ стекла. Вотъ для топки саксауль очень пригоденъ: уголь даетъ плотный, тяжелый и долго остается въ печи раскаленнымъ. Если засыпать землю горящія угля саксаула, то они будутъ тлѣть отъ двухъ до трехъ дней.

Джигда. Растетъ еще около «форта Перовскій» *джигда*, дерево, съ толстымъ, круглымъ корнемъ. Этотъ корень распиливаютъ на красивыя, тоненькія досочки или фанерки, темно-коричневаго цвѣта, и клеиваютъ ими столы, стулья, шкатулки, вотъ какъ у насъ клеиваютъ, на примѣръ, разную мебель краснымъ деревомъ или орѣхомъ.

Дорога отъ «форта Перовскаго» къ «форту Джулекъ» идетъ по широкой просѣлкѣ, прорубленной въ чащѣ колючки, таловыхъ деревьевъ, (въ родѣ нашихъ тополей) и джигды. Тутъ ужъ тотчасъ же можно замѣтить, что чѣмъ дальше подвигаешься къ верховьямъ Сыръ-Дарьи, тѣмъ земля становится все плодороднѣе, а растительность гуще и обильнѣе. Весь этотъ край, начиная отъ «форта Перовскаго», въ прежнее время принадлежалъ Коканцамъ, а Русскіе владѣютъ имъ только съ 1853 года.

Изъ «форта Джулекъ» пріѣдешь ты по берегу Сыръ-Дарьи въ разрушенную коканскую крѣпость Яны-Курганъ. Крѣпость эта взята Русскими въ 1861 году. Посмотрѣлъ я, братцы мои, на эту крѣпостцу, да и не мало подивился: такими-то стѣнами Коканцы думали остановить русскаго солдата! Стѣна невысокая и сложена изъ глиняныхъ комьевъ, а чтобы еще лучше можно было защитить себя отъ непріятельскаго огня, то понадѣланы въ стѣнѣ, изнутри крѣпости, небольшія углубленія. Въ нихъ-то и укрывались Коканцы, когда Русскіе бомбардировали Яны-Курганъ. Сакли (дома) въ Янѣ-Курганѣ сложены также изъ глиняныхъ комьевъ, и многія изъ нихъ разрушены выстрѣлами русскихъ орудій.

На полъ-дорогѣ отъ Яны-Кургана до Туркестана, находятся развалины стариннаго города Сауранъ. Здѣсь отъ всѣхъ старинныхъ зданій особенно хорошо уцѣлѣли два высокіе столба, или колонны, сложенные изъ кирпича; внутри колоннъ устроена крутая, узкая лѣсенка. Я съ двумя товарищами полюбопытствовалъ посмотрѣть, что тамъ находится на верху колоннъ, и далеко ли видно оттуда во всѣ стороны? Признаться: сердце замирало, когда поднимался я по лѣсенкѣ! Колонны такія ветхія, что того и жди рухнуть! Однако ничего,—все обошлось благополучно. Съ верхушки колоннъ видѣнъ даже Туркестанъ, большой городъ, который у здѣшнихъ магометанъ считается священнымъ городомъ.»

— «Зачѣмъ же построены эти колонны?» спросилъ Савченко.

— «А вотъ видишь-ли, жители рассказывали мнѣ, что Сауранъ и Туркестанъ построены знаменитымъ татарскимъ

ханомъ Тамерланомъ (*) Въ Сауранѣ жили его любимыя дочери, а въ Туркестанѣ, по магометанскимъ законамъ, женщинамъ запрещено было въѣзжать. Такъ вотъ Тамерланъ и выстроилъ эти колонны, чтобы дочери его хоть издали могли видѣть Туркестанъ.

— «Туркестанъ также теперь разрушенъ, какъ и Яны-Курганъ?»

Г. Туркестанъ.

— «Нѣтъ, въ Туркестанѣ и теперь еще считается до 20-ти тысячъ жителей. Это городъ большой, красивый; въ Туркестанѣ каждый годъ собирается на богомолье въ мечети или молельни, множество магометанъ-богомольцевъ и *дервишей* (странниковъ).»

— «А много русскаго войска въ Туркестанѣ?»

— «Всего одна рота, сотня казаковъ и взводъ артиллеріи.»

— «Неужели этого войска достаточно, чтобы удержать въ повиновеніи городъ съ 20-ю тысячами жителей?»

— «Еще бы! Да жители Туркестана и не возстанутъ никогда противъ Русскихъ; имъ подъ нашею властью гораздо спокойнѣе и безопаснѣе, чѣмъ подъ властью своихъ, коканскихъ хановъ. Мусульманской вѣры мы не стѣсняемъ, подати на жителей наложены небольшія, торговать и заниматься ремеслами можетъ каждый безопасно. Чего жъ имъ еще!

Отъ Туркестана до Ташкента.

«Отъ Туркестана до Ташкента дорога идетъ уже не по степи, а вдоль горъ, долиною, и эта долина считается самою привольною и плодородною мѣстностью во всемъ Коканскомъ ханствѣ, потому что тутъ земля орошается множествомъ горныхъ рѣчекъ, текущихъ съ горъ Каратау,

(*) Татарскій ханъ Тамерланъ владѣлъ почти всею Азіею, а въ 1395 году вторгнулся въ Русскую землю и дошелъ даже до Рязани.

(по русски Черныя горы). Изъ рѣчекъ этой долины замѣчательнѣе другихъ рѣка Арысъ; она весною разливается, такъ, что покрываетъ водою огромное пространство.

«Тутъ же, неподалеку отъ Туркестана, находится не-
большая деревушка Иканъ; для Русскихъ эта деревушка
памятна тѣмъ, что при ней, въ 1864-мъ году, сотня Ураль-
цевъ, подъ начальствомъ есаула Сѣрова, отбила нападе-
ніе 10-ти тысячной арміи Коканцевъ, подъ начальствомъ
самого правителя коканскаго ханства Алимкула.

Деревня Иканъ.

«Отъ рѣки Арыса до города Чемкента считается 50 верстъ. Чемкентъ взятъ былъ русскими войсками, подъ начальствомъ генералъ-маіора Черняева, штурмомъ въ 1864 году.

— «Такъ значитъ, Русскіе такъ и подвигались постоянно впередъ, по теченію Сыръ-Дарьи?» спросилъ Савченко.

— «Да; я уже сказалъ тебѣ, что сначала Русскіе построили у Аральскаго моря Аральское укрѣпленіе, потомъ фортъ № 1 (Казала), затѣмъ фортъ № 2 (Кармакчи), а еще дальше на Сыръ-Дарьѣ построенъ фортъ Перовскій. Затѣмъ русскія войска вступили уже изъ Киргизской степи въ Коканское ханство, и взяли коканскія укрѣпленія: Джулекъ, Яны-Курганъ, Туркестанъ, Чемкентъ, Ташкентъ а въ нынѣшнемъ году взяли также приступомъ и крѣпость Ходжентъ.»

— «Вотъ оно что! Чтоже ты началъ разсказывать про Чемкентъ-то?»

— «Чемкентъ городъ большой и торговый. Коканцы имъ очень дорожили, потому что здѣсь сходятся дороги изъ Ташкента и другихъ азійскихъ городовъ и изъ русскихъ за-илійскихъ владѣній, т. е. значитъ, изъ укрѣп-

Чемкентъ

ленія: «Вѣрное» изъ Копала, и проч. Въ Чемкентѣ считается также до 20-ти тысячъ жителей, какъ и въ Туркестанѣ. Чемкентъ былъ сильно укрѣпленъ Коканцами; крѣпость была выстроена на крутомъ утесѣ, а внутри крѣпости находилось еще укрѣпленіе или цитадель (по тамошнему *урда*).

«Отъ Чемкента поѣдешь ты по горной дорогѣ прямо въ Ташкентъ,—нынѣшній главный городъ русскихъ туркестанскихъ владѣній, или Туркестанской области. Минуешь ты каменную станцію Шарапъ-Хана, построеную изъ жженого кирпича, и наконецъ пріѣдешь въ Ташкентъ. Путь-то не маленькій! Отъ Петербурга до Ташкента считается слишкомъ 4 тысячи верстъ!»

— «Ну, а въ Ташкентѣ много любопытнаго?» спросилъ Савченко.

— «Ужъ объ этомъ, братъ, въ другой разъ расскажу», отвѣчалъ Денисьевъ, «а теперь въ горлѣ такъ пересохло, что просто моченьки нѣтъ! Шутка ли! Почитай три часа сряду рассказывалъ вамъ безъ умолку».

Оглянулись солдаты: а и въ самомъ дѣлѣ солнышко-то почти ужъ совсѣмъ закатилось.... Эхъ время то какъ прошло незамѣтно!...

— «Ну, такъ значить до завтра, братъ Денисьевъ,» говорилъ Савченко. «Расскажешь намъ завтра про Ташкентъ, что-ли?»

— «Будетъ время, такъ расскажу,» отвѣчалъ Денисьевъ, собираясь идти домой.

II.

Ташкентъ.—Постройки въ Ташкентѣ.—Сакли.—Базаръ.—Число жителей.—Сады.—Минъ-урукъ.—Искусственное орошеніе.—Арыки.—Хлѣбопашество въ Ташкентѣ.—Хлопчатникъ.—Янтакъ шакаръ.—Дороговизна лѣса.—Саксаулъ и урукъ.—Зима въ Ташкентѣ.—Лѣтнія засухи.—Скорпионы и фаланги.—Сарты.—Одежда жителей.—Жиды.—Русское войско въ Ташкентѣ.—Православные храмы.—Купцы и промышленность.—Маркитанты изъ Оренбурга.—Караванъ купца Хлудова.—Правы и обычаи жителей.—Силавъ лѣса изъ горъ.—Мѣдныя и свинцовыя руды.—Нефть.—Азіятскія ткани и пряжи.—Шелкъ.—Шерстяныя и кожаныя издѣлія.—Мечети и школы.—Изученіе корана.—Городъ Ходжентъ.—Степь, отдѣляющая Коканское ханство отъ Бухары.—Жители Кокана: Таджики, Сарты и Кипчаки.

Собрались и на другой вечеръ любопытные, чтобы послушать рассказы Денисьева про отдаленный Туркестанскій край. На этотъ разъ любопытство ихъ особенно подстрекало; хотѣлось имъ узнать по обстоятельству про самый городъ Ташкентъ и про жизнь Русскихъ въ этомъ отдаленномъ краѣ.

— «Ну, вотъ, братцы,» такъ началъ Денисьевъ своей рассказъ «ужъ я сказалъ вамъ, что Ташкентъ считается самымъ богатымъ и торговымъ городомъ не только во всемъ Коканѣ, но и во всей Средней Азіи. А какъ въѣдешь ты въ Ташкентъ, да посмотришь кругомъ, такъ даже удивишься: гдѣ же тутъ богатство-то? Весь городъ состоитъ изъ 3-хъ или 4-хъ тысячъ глиняныхъ мазанокъ; кругомъ каждаго дома или сакли выведена неровная, простая, глиняная стѣна. Переулки между домами узенькіе, кривые и грязные. Кругомъ весь городъ обведенъ также высокою стѣною... Вотъ тебѣ и весь Ташкентъ!»

— «Неужто въ Ташкентѣ всѣ дома изъ глины?» спросилъ Савченко.

Гор. Ташкентъ.

Саклн.

— «Всѣ до одного; вѣдь въ этой сторонкѣ лѣсъ дорогъ, ну, а глина всегда подъ рукою. Да къ тому же вѣдь въ азіатскихъ городахъ и не строятъ большихъ зданій, какъ напримѣръ у насъ, въ русскихъ городахъ. Въ Ташкентѣ, да и въ другихъ азіатскихъ городахъ, каждый живетъ особнякомъ, въ своей мазанкѣ (саклѣ), и старается всѣми мѣрами, чтобы никто не зналъ ничего про его домашнюю жизнь. Оттого-то въ азіатскихъ городахъ сакли и обнесены стѣнами; да и въ самой саклѣ-то нѣтъ даже оконъ, а просто пробиты двери, которыя и замѣняютъ имъ окна. Съ улицы ты не увидишь даже и этихъ дверей, потому что на улицу выходятъ только одни стѣны домовъ или ограды съ маленькими калиточками.

Базаръ.

«Посреди Ташкента находится базаръ, и вотъ этотъ-то базаръ и есть самое людное мѣсто во всемъ городѣ. Базаръ въ Ташкентѣ огромный. Тутъ Ташкентцы покупаютъ разныя вещи и припасы, сходятся и толкуютъ съ знакомыми про разныя новости. Каждый Ташкентецъ, хоть разъ въ день, а непременно побываетъ на базарѣ, если даже ему и нечего тамъ покупать».

— «Однако видно, что въ Ташкентѣ купцы торгуютъ не съ убыткомъ, если выстроили себѣ такой базаръ», замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— «Еще-бы!» отвѣчалъ Денисьевъ, «вѣдь въ Ташкентѣ привозятъ товары не только изъ Россіи, но и изъ Бухары, Хивы, даже изъ Индіи. А гдѣ идетъ большая торговля, тамъ и богатство, и многолюдство. Вѣдь и въ Ташкентѣ считается болѣе 100 тысячъ жителей».

— «Ну, а есть въ Ташкентѣ сады, огороды, какъ напримѣръ въ русскихъ городахъ?» спрашивали солдаты.

— «Есть и въ городѣ сады, но за городомъ садовъ Минь-урюкъ еще больше. Тамъ расположенъ и большой ханскій садъ, называется онъ *Минь-урюкъ*, т. е. *тысяча персиковъ*, потому что въ этомъ саду, какъ говорятъ, по приказанію бывшаго хана, посажено тысяча персиковыхъ деревьевъ. Сады около Ташкента славные, густые, тѣнистые; войдешь въ иной садъ, такъ кажись и не вышелъ бы изъ него никогда.»

— «Значитъ, и плодовъ разныхъ много въ Ташкентѣ, если тамъ такіе богатые сады?» спросилъ Савченко.

— «Да, ужъ плодами-то Ташкентъ можетъ похвалиться! Нигдѣ я не ѣдалъ такихъ сочныхъ и вкусныхъ плодовъ: дынь, арбузовъ, яблоковъ, грушъ, вишенъ, персиковъ, сливъ, винограда, финиковъ, смоквъ, тутовыхъ ягодъ. И какъ дешево всѣ эти плоды, просто почти за даромъ отдаютъ! Выйдешь на базаръ, купишь, примѣрно, хоть на двѣ копейки цѣлую оханку винограда, да еще кромѣ того можешь ты съѣсть тутъ же, на базарѣ, сколько хочешь! До взятія Русскими Ташкента, плоды тамъ даже и не продавались никогда. Почти у каждого жителя былъ свой фруктовый садъ.»

— «Вишь ты, какая плодородная земляца», замѣтили солдаты.

— «Плодородная-то она, правда, что плодородная», Искуствен
отвѣчалъ Денисьевъ, «да только тамъ воздѣлываніе зем- ное ороше
ли не въ примѣръ труднѣе, чѣмъ у насъ, въ Россіи. Въ Ташкентѣ лѣтомъ и 50-ти градусные жары не диковинка; въ такой зной все кругомъ посохнетъ, все погоритъ, если нѣтъ искусственной поливки. У насъ зимою нѣтъ зелени, а у нихъ лѣтомъ. А ужъ дождя ты во все лѣто не дождешься!»

— «Какъ же это Ташкентцы поливаютъ свои поля, да сады? Неужто ведрами носить воду?»

Арыки.

— «Нѣтъ, у нихъ для поливки полей и садовъ проведены изъ рѣкъ такіе особые каналы, называются они *арыками*. Сначала идетъ отъ рѣки одинъ большой каналъ, потомъ этотъ каналъ развѣтвляется на нѣсколько другихъ каналиковъ, по-уже; каналики тоже развѣтвляются на отдѣльныя канавки, а ужъ эти канавки проводятся повсюду: по полю, по садамъ, по огородамъ. Арыки устроиваются съ обща и проводятся они иногда издалека; случается, что поле-то отстоятъ отъ рѣки верстѣ на 20 или на 30, такъ и арыкъ долженъ быть длиною въ 20 или 30 верстѣ.

— «Вотъ, какъ понадобится затопить водою поля, Ташкентцы соберутся въ одинъ, опредѣленный день къ устью арыка и начнутъ черпаками гнать воду изъ рѣки въ арыкъ. Когда весь арыкъ, всѣ каналы и канавки наполнятся водою, тогда плотиною запираютъ воду въ арыкъ. Вода разольется по полямъ, смочитъ землю, и освѣжитъ всю зелень. Только при искусственномъ орошеніи и можетъ земля въ Ташкентѣ давать такіе огромные урожаи. Вѣдь въ Туркестанскомъ краѣ не диковинка даже урожай самъ сто-двадцать, а жатва-то снимается три раза въ лѣто. Вотъ и расчитай: выгодно ли въ Туркестанскомъ краѣ заниматься хлѣбопашествомъ, и окупаются ли тамъ труды да заботы по орошенію полей! Клеверъ, напримѣръ, въ Ташкентѣ косится три раза въ продолженіе лѣта, а сѣютъ-то его одинъ разъ черезъ каждые пять лѣтъ.»

— «Какіе же еще хлѣба сѣются въ Ташкентѣ?»

— «Сѣется тамъ рисъ, просо, пшеница, ячмень; рожь мало сѣютъ. Огородныхъ овощей много всякихъ. Щѣлыя

поля засѣяны также хлопчатникомъ, и каждый годъ въ Ташкентѣ собирается огромное количество хлопчатой бумаги или хлопка (*).

— «Ну, а есть въ Ташкентѣ какія-нибудь особенныя растенія или животныя, которыхъ нѣтъ въ другихъ странахъ?» спрашивалъ Савченко.

— «Изъ животныхъ я не видалъ никакихъ особыхъ, замѣчательныхъ породъ, а вотъ, говорятъ, есть тамъ одно замѣчательное растеніе, *янтакъ-шакаръ*, и растетъ оно только около Ташкента; это невысокій, колючій кустарникъ, и замѣчательно, что на его иглахъ (шипахъ) выступаетъ каждый день особое, сладкое, сахаристое вещество. Этотъ сахаръ собираютъ, очищаютъ и готовятъ изъ него разныя лакомства.

— «Чудная земля,» замѣтилъ кто-то изъ солдатъ.

— «Чудная-то чудная, да и благодатная! Все тамъ дешево, окромѣ развѣ того, что привозится изъ Россіи. Провозъ-то изъ Россіи въ Ташкентъ очень дорогъ; правду говоритъ пословица: «за моремъ телушка — полушка, да рубль перевозу...» Вотъ хоть бы взять къ примѣру вино или табакъ. Дороги они очень въ Ташкентѣ. Дорогъ также и лѣсъ, особливо строевой, хоть его и сплавляютъ довольно много изъ горъ. Оттого-то въ Ташкентѣ почти ничего не строятъ изъ дерева, а всѣ постройки выводятся глинобитныя».

— «А что, братъ Денисьевъ», спросилъ Савченко, «ты сказалъ давеча, что въ Ташкентѣ лѣтомъ отъ сильнаго зноя нѣтъ зелени, словно какъ у насъ зимою, отъ сильныхъ морозовъ. Какова-же зима-то въ Ташкентѣ?»

(*) Изъ хлопчато-бумажной пряжи приготовляются ткани: миткаль, ситецъ, колѣнокоръ, ланкорть и многія другія.

Зима въ
Ташкентѣ.

— «Да зимы тамъ почти вовсе нѣтъ. Въ Ташкентѣ въ нынѣшнемъ году, 6-го января, въ праздникъ Крещенья, было такъ тепло, что при водосвятии всѣ были въ однихъ кителяхъ. Правда, съ 8-го января начало по утрамъ слегка морозить, и мы всѣ начали уже считать, что наступила зима. Ну, и продержались эти легкіе морозы ровно до 8-го февраля. Снѣжокъ по временамъ выпадалъ, и рѣка Сыръ-Дарья замерзала недѣли на двѣ; значитъ, было все, какъ быть слѣдуетъ зимою. А ужъ 9-го и 10-го февраля опять стояли жары въ 20-ть градусовъ, словно бы у насъ въ самое жаркое лѣто.

— «Вотъ въ это-то время, раннею весною, куда какъ хорошо въ Ташкентѣ! Все цвѣтеть, воздухъ теплый, здоровый. Какъ начнутся сильные, лѣтніе жары, тогда ужъ слишкомъ пыль начнетъ донимать, особливо, не приведи Богъ, въ вѣтрную погоду—такъ и слѣпить глаза! Намететъ вѣтромъ этой пыли и мелкаго песку столько, что на улицахъ нога уходитъ въ него по щиколку. Ну, и жаръ то чрезмѣрный, тоже куда какъ расслабляетъ человѣка! Лежишь это гдѣ нибудь въ тѣни, и двинуться—то даже не хочется!

Скорпионы
и фаланги.

«Вотъ тоже лѣтомъ сильно мучать и беспокоятъ *скорпионы* и *фаланги*. Это, значитъ, такія гадины, насѣкомыя въ родѣ большихъ пауковъ, но съ клещами и съ ядовитымъ жаломъ на хвостѣ. Если ужалить скорпионъ, такъ иной разъ и проболѣешь цѣлую недѣлю: сдѣлается опухоль на ужаленномъ мѣстѣ, во всемъ тѣлѣ начнетъ жаръ, ломота въ рукахъ и ногахъ..... Чтобы вылечить отъ ужаленія скорпиона, втираютъ въ больное мѣсто деревянное масло. Это средство испытанное, и самое вѣрное. А чтобы ночью не залѣзъ скорпионъ на спящаго чело-

вѣка, разстилаютъ подъ постелью кошму (войлокъ) или овчину. Скорпионъ не можетъ ползать по овчинѣ или по войлоку, потому что тотчасъ же запутывается въ немъ своими цѣпкими ногами».

— «А что, Ташкентцы, я думаю, такіе же узкоглазые Сарты. и скуластые, какъ и наши Татары?» спросилъ Савченко.

— «Нѣтъ, у коренныхъ ташкентскихъ жителей (ихъ называютъ *Сартали*) лицо совершенно правильное,» отвѣчалъ Денисьевъ, «вотъ Киргизы и Кипчаки—тѣ похожи лицомъ на Татаръ».

— «Ну, а какъ одѣваются Ташкентцы?»

Одежда Ташкентцевъ

— «Одѣваются—то они незатѣйливо: на головѣ чалма, а на плечахъ халатъ, у богатыхъ изъ дорогой ткани, а у бѣдныхъ изъ самой простой, дешевой матеріи. Пола халата обвертываются вокругъ ногъ и запускаются въ сапоги, а сверхъ всего этого надѣваются еще на ноги широкія кожаныя *чембары*, т. е. значитъ брюки изъ кожи или сафьяна. Такіяже чембары носятъ въ Ташкентѣ и русскія войска. Женщины также носятъ халаты, а голова у нихъ закутана покрываломъ, такъ что и лица не видно! По магометанскому закону, женщины, особливо молодыя дѣвушки, не должны выходить на улицу съ открытымъ лицомъ. Оттого-то можетъ статья я и не встрѣчалъ на улицахъ молодыхъ и красивыхъ женщинъ; бродятъ только однѣ старухи, а молодки сидятъ запершись въ гаремахъ, т. е. значитъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ мусульмане держатъ своихъ женъ. Кромѣ мужа, никто изъ мужчинъ не имѣетъ права войти въ гаремъ. Иначе это будетъ позоръ и безчестіе мужу и всему его дому, а ужъ обиженный мусульманинъ, во что бы то ни стало,

жестоко отомстить за этотъ позоръ. Вотъ жида торговцы изподтишка забираются иногда въ гаремъ съ своими товарами.

Жида. — «Да развѣ и въ Ташкентѣ есть жида?» спросилъ одинъ изъ молодыхъ солдатъ.

— «Какъ же, есть и тамъ жида», отвѣчалъ Денисьевъ. «Ужъ извѣстно, жида куда не заберутся! И такія же у нихъ пейсы и ермолки, такія же лица, также они ловко обманываютъ они и своихъ и чужихъ!»

— «А что, хотѣлъ я тебя спросить, много ли Русскихъ въ Ташкентѣ?» спросилъ Савченко.

— «Въ самомъ Ташкентѣ будетъ тысячи двѣ, считая съ войскомъ, а во всей Туркестанской области наберется пожалуй тысячъ 12-ть.

«Теперь въ Ташкентѣ всѣ уже привыкли къ Русскимъ, а торговцы приучаются даже по немногу и говорить по-русски, заучили разныя русскія слова... Вотъ только Киргизы почти ничего не понимаютъ по-русски, и выучили только три слова: «дай на водку». Охочи они больно до вина-то!»

— «А сами Ташкентцы, или Сарты, какъ ты ихъ называлъ,—развѣ они не пьютъ вина?»

Винодѣлие. — «Нѣтъ, это народъ трезвый. Они не умѣютъ готовить вино, хоть винограда и много въ ихъ странѣ. Приготавливается, правда, въ Ташкентѣ изъ винограднаго сока какой-то напитокъ, словно бы квасъ кисловатый, да ужъ виномъ-то его назвать никакъ нельзя. А впрочемъ вскорѣ, вѣроятно, распространится въ Ташкентѣ и винодѣлие: пріѣхалъ, вишь ты, туда русскій купецъ Оедоровъ, и намѣренъ онъ заняться приготовленіемъ вина изъ тамошняго винограда.»

— «Слушай-ка, Денисьевъ, вотъ что я еще у тебя хотѣлъ спросить: Русскихъ-то много въ Ташкентѣ а есть ли тамъ у нихъ храмъ Божій?»

— «Читалъ я недавно приказъ Военнаго министра о постройкѣ храмовъ въ Сыръ-Дарьинскихъ фортахъ, въ Ташкентѣ, и въ Ходжентѣ, и для того приказано открыть добровольную подписку по всей Россіи. Въ фортѣ № 1 и въ фортѣ Перовскомъ уже построены церкви, а въ фортѣ № 1 воздвигнута также и часовня, въ память чудеснаго избавленія жизни Государя Императора. Ну, а въ Ташкентѣ и въ Ходжентѣ до сихъ поръ были только одни походныя церкви. А впрочемъ, и то надо сказать, что эти церкви по виду во всемъ похожи на наши городскіе, русскіе храмы. Замѣсто стѣнъ поставлены высокіе, деревянныя столбы, обтянутые холстомъ, а холстъ выбѣленъ известью. Оттого оно и кажется съ виду, что церковь построена изъ сырцоваго выбѣленнаго кирпича.»

— «А что, Ташкентцы дивятся, не-бось, нашему богослуженію?»

— «Какъ же! Каждый разъ, когда совершается служба на открытомъ воздухѣ, вотъ напримѣръ, хотъ при водосвятіи, въ праздникъ Крещенья, — всегда собирается огромная толпа народа.

«Да вообще Ташкентцы—народъ умный и переимчивый; во многомъ стараются они подражать Русскимъ и живутъ съ нами въ большой дружбѣ. Русскія издѣлія также хорошо раскупаются на ихъ базарахъ, а тульскіе самовары уже давно вошли въ употребленіе не только въ Ташкентѣ, но и въ Бухарѣ, Хивѣ, Коканѣ и другихъ большихъ азіатскихъ городахъ. Изъ Тулы ежегодно отправляютъ въ Азію огром-

Православные храмы

Торговля русскими издѣліями.

ное количество большихъ самоваровъ особеннаго устройства, для тамошнихъ постоянныхъ дворовъ и харчевень.»

— «Ну, а гдѣ же русскія войска, расположенныя въ Ташкентѣ, закупаютъ все, что для нихъ необходимо?»

Маркитан-
ты.

— «Изъ Оренбурга прѣзжаютъ въ Ташкентъ маркитанты и привозятъ разные товары, собственно для Русскихъ. Только дорого продаютъ эти маркитанты, извѣстно: свои выгоды соблюдаютъ! Вотъ также, когда я ѣхалъ въ Петербургъ изъ Ташкента, такъ встрѣтилъ въ фортѣ Перовскомъ огромный караванъ московскаго купца Хлудова. Онъ отправилъ въ Ташкентъ разныхъ товаровъ для продажи Русскимъ и на базарахъ въ Чемкентѣ, Ташкентѣ и Ходжентѣ. Говорятъ, что въ караванѣ Хлудова товаровъ было на шестьсотъ тысячъ рублей.»

— «Вотъ, братъ, такъ торговля!» сказалъ одинъ изъ солдатъ, слушавшихъ рассказъ Денисьева; «это не то, что нашъ братъ служивый, надѣлаетъ какихъ-нибудь метелокъ, да и носится съ ними по городу цѣлый день.»

— «Большому кораблю большое и плаванье,» отвѣчалъ Савченко; «вѣдь и Хлудовъ тоже не съ разу началъ торговать на сотни тысячъ рублей. Поди-ка тоже въ молодости—то по мелочамъ товаръ продавалъ. А наши богачи: Жуковъ, Елисѣевъ и другіе купцы, развѣ они не исподволь разбогатѣли?.. У Жукова была спервоначала одна только дрянная табачная лавченка, а Елисѣевъ былъ просто на-просто разнощикомъ, и продавалъ въ разносъ разные фрукты.»

Горговыя въ
Ташкентѣ.

— «Да, у насъ въ Россіи, слава Богу, можно торговать; а вотъ, говорятъ, въ Ташкентѣ, въ прежнія времена, до прихода Русскихъ, такъ купцамъ было куда какъ не вольготно!»

— «Что такъ?»

— «Да вотъ, видишь ли, въ то время Ташкентцевъ, особливо тамошнихъ купцевъ, грабили чуть не каждый годъ. То Бухарцы овладѣютъ городомъ, да отберутъ всѣ достатки у богатыхъ людей, а чуть кто изъ нихъ заупрямился, такъ и голову долой! То самъ Ташкентскій ханъ обвинить богатаго купца въ какомъ-нибудь вымышленномъ преступленіи, казнить его, да и завладѣтъ всѣмъ его состояніемъ. Богатый человѣкъ, особливо купецъ, въ то время могъ ожидать каждую минуту, что его схватятъ и казнятъ безъ всякой вины. Оттого—то Ташкентцы и боялись показывать свой достатокъ, ходили оборванцами. А теперь ужъ они болѣе не боятся никакой неправды. Знаютъ они, что русское начальство ихъ всегда защититъ. Оттого—то Ташкентцы и преданы всей душой Русскимъ.»

— «Что же теперь зажиточные Ташкентцы живутъ богато?»

— «Нѣтъ; у нихъ почти вовсе не видно роскоши въ ^{Устройствъ} домахъ. Полъ у нихъ въ сакляхъ земляной, даже и у самыхъ богатыхъ магометанъ; убранства въ горницѣ тоже нѣтъ, только развѣ у иныхъ стѣны и скамейки покрыты дорогими персидскими коврами. Зато у богачей ташкентскихъ попоны и уздечки на лошадяхъ изукрашены серебромъ, посуда изъ китайскаго фарфора. Въ этомъ у нихъ вся роскошь.

«Богатые Ташкентцы начинаютъ теперь, впрочемъ, перенимать у Русскихъ нѣкоторые обычаи; на примѣръ, многіе завели у себя ложки, ножи, вилки, и хоть сами—то они по привычкѣ, обходятся и безъ этихъ приборовъ, особливо въ своей домашней жизни, ну, а если зайдетъ къ нимъ въ домъ кто-нибудь изъ Русскихъ, непременно положить и приборы на столъ.»

Правы и
обычаи.

— «Какъ же ѣдятъ Ташкентцы, если у нихъ нѣтъ ложекъ, вилокъ, да ножей?» съ удивленіемъ спросилъ Савченко.

— «Да просто пригоршней. Любимое ихъ кушанье — *миллава*, значитъ рисъ, сваренный въ водѣ и смѣшанный съ бараньимъ саломъ, мелко искрошенной бараниной и кишмишемъ (мелкимъ изюмомъ). Такое кушанье словно каша: его удобно брать руками. Тарелокъ тоже нѣтъ у Ташкентцевъ, а подадутъ на столъ цѣлое блюдо пиллава, и каждый беретъ изъ него рукою сколько захватить. Если же пришелъ къ магометанину какой нибудь уважаемый гость, и хозяинъ хочетъ за обѣдомъ особенно почтить его, то кормить его своею рукою, а въ добавокъ, послѣ обѣда, даетъ облизать съ своей руки остатки жирнаго пиллава.»

— «Экая диковинная сторона, подумаешь!» говорили солдаты, съ любопытствомъ слушавшіе рассказъ Денисьева.

— «А есть въ Ташкентѣ какія-нибудь фабрики или заводы?» спросилъ Савченко.

Недостатокъ лѣса. — «Нѣтъ; у нихъ заводовъ не строятъ, или по крайней мѣрѣ не строили до прибытія Русскихъ. Да и то сказать: окрестности Ташкента почти совершенно безлѣсны, (я ужъ говорилъ, что лѣсъ въ Ташкентѣ очень дорогъ), а вѣдь на заводахъ и фабрикахъ потребляется много топлива. На Сыръ-Дарьѣ растетъ только тростникъ да саксаулъ. Рубать тоже на дрова множество *урюковыхъ*, т. е. значитъ персиковыхъ деревьевъ. Для топки урюкъ годится, а ужъ на постройки вовсе не пригоденъ, также какъ и саксаулъ. Урюкъ — дерево хрупкое, и легко ломается въ мелкіе куски. Иные, по дороговизнѣ лѣса въ Ташкентѣ и въ окрестныхъ городахъ, топятъ также печи *кизякомъ*, т. е. значитъ овечьимъ и верблюжьимъ по-

метомъ, вотъ какъ и у насъ въ Россіи, въ южныхъ губерніяхъ.»

— «А отчего же не отапливаютъ печи на заводахъ саксауломъ или урюкомъ?» замѣтилъ Савченко.

— «Дорого, да и не хватитъ на это саксаула; въ самомъ Ташкентѣ вѣдь не растетъ саксаулъ, а растетъ онъ болѣе въ степи, на пустынныхъ берегахъ Сыръ-Дарьи. Нѣтъ, на одинъ саксаулъ да урюкъ плоха надежда; а вотъ теперь въ Туркестанской области русскіе горные инженеры отыскивали каменный уголь, — такъ это дѣло другое! Этого топлива въ землѣ находится неисчислимое количество, и имъ легко могутъ отапливаться и пароходы, и фабрики, и разные рудники.»

— «А развѣ найдены и руды въ окрестностяхъ Ташкента?»

— «Какъ же; найдена свинцовая руда, а ужъ известно, что гдѣ находится свинецъ, тамъ можно найти и серебро. Да и въ Киргизскихъ степяхъ давно уже найдены свинцовыя руды; есть тамъ извѣстные и богатѣйшіе рудники Попова. Добывается еще въ Туркестанской области мѣдь, да только мало. Найдено и золото въ горныхъ рѣчкахъ и въ розсыпяхъ; вѣдь золото чаще всего добывается не изъ горныхъ рудъ, а промывается изъ розсыпей.»

«Вотъ тѣмъ, кто пріѣзжаетъ изъ Россіи въ Ташкентъ, стоитъ также заняться приготовленіемъ желѣзнаго купороса. Купоросъ привозится въ Туркестанскую область изъ Россіи, и очень дорогъ, а между тѣмъ его легко готовить на мѣстѣ, изъ колчедановъ и изъ разныхъ другихъ рудъ. Да и мало ли чего нѣтъ въ Ташкентѣ, и что смѣтливому и знающему челоѣку весьма легко устроить! Вотъ хоть бы на примѣръ, въ Туркестанской области нѣтъ на-

шихъ обыкновенныхъ мукомольныхъ мельницъ. Устрой ктонибудь изъ Русскихъ мельницу—непрѣнно наживетъ нефть, изъ которой добывается керосинъ, фотогенъ и другіе освѣтительные матеріалы. Нефти много въ окрестностяхъ Ташкента, а дабываніемъ и очищеніемъ нефти никто не занимается. Ташкентцы даже и не знаютъ, какую огромную пользу можно извлечь изъ этого отличнаго, горячаго матеріала, который теперь пропадаетъ у нихъ за-даромъ.

— «Что жъ, вѣдь еще только годъ, какъ Русскіе завладѣли Ташкентомъ. Подожди, будетъ время, когда и Ташкентцы всему научатся отъ Русскихъ,» говорилъ Савченко.

Шелководство. — «Еще бы, вѣстимо! Ташкентцы народъ умный и переимчивый; да и какъ не перенять то, что явно приноситъ пользу. Вотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ Бухарецъ (*), проживавшій временно въ Москвѣ, отдалъ въ тамошнюю школу шелководства мальчика—татарина, чтобы онъ научился размоткѣ шелка. Теперь этотъ Бухарецъ, вмѣстѣ съ мальчикомъ, живутъ въ своемъ родномъ городѣ Бухарѣ, и работаютъ на московскомъ станкѣ, а глядя на нихъ, да на ихъ успѣшную работу, и другіе переймутъ у нихъ способъ правильной размотки шелка. Такъ, по немногу и учатся Бухарцы и Ташкентцы одинъ отъ другаго, и вводится въ ихъ странѣ все хорошее, да полезное.»

— «Ну, а выдѣлываются ли въ Ташкентѣ изъ тамошняго шелка какіянибудь особенныя ткани или пряжи.»

Ткани и пряжи. — «Выдѣлывается тамъ очень хорошая шелковая ткань,

(*) Бухара—независимое ханство, находится въ 400 верстахъ отъ Ташкента.

канаусъ; хороша также ткань *атресъ*,—такая особая, плотная, шелковая матерія. Приготавливаются еще въ Ташкентѣ разныя ткани изъ хлопчатой бумаги, напр. *дака* (матерія въ родѣ кисеи), миткаль и ситцы. Больше же всего раскупаются въ Ташкентѣ пестрые, и особливо красные ситцы.

«Изъ верблюжьей шерсти и изъ шерсти курдючной овцы, выдѣлываются кошмы или войлоки; сукно же, болѣею частью, привозится изъ Россіи. Изъ козьей шерсти или *тибета* выдѣлываютъ въ Ташкентѣ очень хорошую, теплую и мягкую ткань, особливо на чалмы. Эта козья шерсть вывозится даже изъ Ташкента въ Россію. Касимовскіе Татары очищаютъ ее и перепродаютъ, подъ названіемъ *козьяго пуха*.

«Ташкентцы также очень искусны въ разныхъ рукодѣльяхъ. Случалось мнѣ видѣть сукна и сафьянныя кожи, вышитыя шелками, такъ это просто заглядѣнье!... Такая красивая и искусная работа!

«Много продается также на базарѣ въ Ташкентѣ коженнаго товара: дубленаго и сыромяти, разной обуви и конской упряжи, которая привозится на базаръ въ Ташкентъ изъ города Кокана; желѣзныя издѣлія, и особливо отличные ножи, привозятъ въ Ташкентъ изъ городовъ: Мензила и Джуста.... Да всего и не перечтешь, что найдешь ты въ Ташкентѣ, на базарѣ!»

— «А школы есть въ Ташкентѣ?» спросилъ снова Савченко. Медрессе

— «Есть и школы при мечетяхъ или магометанскихъ молельняхъ; называются эти школы *медрессе*, и много мальчиковъ обучается въ нихъ, да только, по нашему, больно ужъ плохи эти школы! Усядутся на полу нѣсколько

десятковъ мальчишекъ, и распѣвають въ-слухъ, на разные голоса, стихи изъ корана (священной книги мусульманъ). Надобно тебѣ сказать, что всѣ магометане, а въ томъ числѣ и Ташкентцы, увѣрены, что въ коранѣ, въ которомъ собраны разные изреченія ихъ пророка Магомета, заключается вся человѣческая мудрость. Выше и лучше корана—по ихъ мнѣнію—нѣтъ другой книги на бѣломъ свѣтѣ; по этому—то они и считаютъ нужнымъ изучать только одинъ коранъ. Укажи магометанину на какуюнибудь другую, дѣльную и полезную книгу, онъ прежде всего спроситъ: «а есть ли въ коранѣ то, что написано въ этой книгѣ? Если есть, то ее не зачѣмъ и читать, лучше читать самый коранъ. А если нѣтъ такъ и по-давно не слѣдуетъ читать эту книгу»... Вотъ какъ разсуждаютъ магометане! Оттого у нихъ образованіе весьма мало распространено. Самымъ ученымъ человѣкомъ считается у нихъ тотъ, кто перечиталъ нѣсколько разъ весь коранъ, отъ первой до послѣдней страницы, да можетъ разсудить, какъ въ коранѣ предписывается магометанамъ сидѣть, лежать, ходить, спать, мыть лицо, руки, ноги, затылокъ, и т. п.

— «Да, эдакъ-то не трудно быть ученымъ магометаниномъ,» замѣтили нѣкоторые солдаты.

— «Слушай—ка, Денисьевъ, ты говорилъ, что послѣ Ташкента русскія войска взяли приступомъ Ходжентъ. Это что за городъ?»

— «А это, изволишь видѣть—сильная коканская крѣпость; Ходжентъ лежитъ между горами, на самомъ берегу Сыръ Дарьи, и въ прежнее время защищалъ Коканъ отъ нападеній Бухарцевъ, потому что лежитъ онъ на прямой дорогѣ изъ Бухары въ Коканское ханство.»

— «Да развѣ нельзя Бухарцамъ пройти въ Коканъ по

какой—нибудь другой дорогѣ, минуя Ходжентъ? Вѣдь Коканское ханство не стѣнами огорожено!»

— «Разумѣется не стѣнами, да видно ты не знаешь, что между Коканомъ и Бухарою лежатъ степи безводныя; они-то и защищаютъ Коканъ лучше всякой стѣны. Одна дорога Бухарцамъ: на Самаркандъ и Джузакъ, а на этой то дорогѣ и построили Коканцы свою сильную крѣпость Ходжентъ.

— «А сколько жителей въ Ходжентѣ?»

— «Тысячъ 40, и всѣ они принадлежатъ къ особому племени Таджиковъ, самому воинственному племени Коканскаго ханства. Вѣдь Коканъ населенъ разными племенами; главное и самое многочисленное племя Сартовъ, а кромѣ того въ Коканѣ много Узбековъ, Таджиковъ (въ Ходжентѣ и въ окрестныхъ деревняхъ), Кипчаковъ (около города Наменгама), Киргизовъ на луговыхъ и степныхъ мѣстахъ, и проч. Пройдетъ года три—четыре, и всѣ эти племена признаютъ надъ собою власть Русскаго царя. А тамъ,—кто знаетъ, можетъ быть покорятся Русскимъ и сосѣднія, независимыя ханства: Хива, Бухара и другія.

Вотъ какъ братъ, Русскіе исподволь да постепенно подвигаются въ самую глубь Азіи, въ такія страны, гдѣ еще до сихъ поръ не бывалъ ни одинъ Европейецъ,» такъ заключилъ Денисьевъ свой разказъ объ отдаленномъ, малоизвѣстномъ Туркестанскомъ краѣ.

Е. М—скій.

Князь-Голенищевъ-Кутузовъ.

802-17
1961

ЧТЕНІЕ ДЛЯ СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

ПОДЪ-РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТЫЙ.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

№№ 17, 18, 19 и 20.

Съ приложеніемъ шести рисунковъ.

— — — — —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

РАЗСКАЗЪ ОФИЦЕРА.

(Участника хивинскаго похода).

«Отрядъ нашъ стоялъ бивуакомъ по берегамъ каменистой балки, не доходя до Аму-Дарьи. Солдатскіе переносные палатки бѣлѣли въ степи, правильными четвероугольниками; длинные ряды составленныхъ въ козлы ружей, окаймляли эти четвероугольники съ лицевой стороны... У оружія,—полудремля, чуть-чуть переступая, бродили линейцы-часовые, съ ногъ до головы бѣлые. Изъ подъ палаточекъ, вышиною въ полтора аршина не болѣе, торчали во все стороны обутыя и не обутыя ноги, слышался дюжій храпъ спящихъ... Тутъ же, свернувшись клубкомъ, видѣлись разношерстные жучки, полкашки, валетки, волчки,—неизбѣжные спутники всякаго военнаго отряда вообще и туркестанскаго въ особенности.

Артиллерійскія лошади понутивъ свои горбоносые головы, не обращая даже вниманія на растрепанные передъ ними снопы сухаго клевера, въ длинныхъ коновязяхъ, стояли и лѣнливо отмахивали хвостами докучливыхъ, отовсюду летѣвшихъ мухъ и слѣпней. Изъ-за этихъ коновязей видѣлись ярко-зеленыя зарядные ящики, а дальше блестѣли на солнцѣ, вычищенные жерла мѣдныхъ орудій и около нихъ опять усталые часовые.

Болѣе пестроты и движенія было въ казачьемъ лагерѣ, расположившимся нѣсколько на отлетѣ. Сотенные значки неподвижно висѣли въ знойномъ воздухѣ; тамъ и сямъ вились синеватые дымки, станки ракетныхъ батарей казались издали какими-то треногими пауками... Пестрою толпою расположились туземные милиціонеры; самое большое пространство, обрамленное конными и пѣшими пикетами, занимали выучные обозы отряда, достигающіе численностью до трехъ тысячъ выучныхъ верблюдовъ, развыученныхъ и уложенныхъ безконечными рядами... Горбатые животные лежали на горячемъ пескѣ вытянувъ длиныя шеи, пережевывали свою пѣнистую зеленоватую жвачку. Противъ нихъ, такими же правильными рядами сложены были тюки съ фуражомъ, провіантомъ, войлочными кибитками, солдатскимъ имуществомъ и прочимъ походнымъ скарбомъ.

Мѣшковатые, неуклюжіе лаучи (верблюдовожатые) бродили между своими животными, подмывали имъ подъ морды саманъ (рубленную солому), осматривали на досугъ выучныхъ сѣдла—и искоса, недружелюбно поглядывали на сторожевыхъ казаковъ, охватившихъ весь обозный бивуакъ своею живою цѣпью.

Не разъ уже случалось, что лаучи уходили отъ отрядовъ и угоняли съ собою верблюдовъ, оставляя отрядъ въ самомъ затруднительномъ положеніи, посреди мертвой, бесплодной стени; это научило насъ по менѣе довѣряться косоглазымъ степнякамъ лаучамъ, и какъ сами лаучи, такъ и выучные верблюды, ни на минуту не выходили изъ подъ самаго зоркаго присмотра казаковъ.

Самое же большое оживленіе царствовало у колодезь, по близости которыхъ расположились солдатскія кухни. Густой черный дымъ стлался надъ лощиною; гарью и саломъ несло оттуда; уныло мычали быки, предназначенные на убой... Русскій и туземный говоръ и пѣсни слышались отовсюду.

Таковъ былъ общій видъ бивуака нашего отряда, когда я, по требованію генерала, шелъ къ нему въ палатку. Зачѣмъ онъ звалъ меня, я не зналъ.

— Сюда, ваше благородіе, сюда! торопилъ меня уралець-казакъ мой проводникъ. — Сюда пожалуйте, тамъ обозы—далеко обходить придется.

И я шелъ за нимъ, шагая черезъ растянутые на полъ-аршина отъ земли веревки палатокъ.

Большая кибитка изъ бѣлаго войлока, подбитая снизу краснымъ сукномъ, стояла какъ-то на отлетѣ: мѣсто вокругъ нея было значительно просторнѣе, чѣмъ вокругъ остальныхъ кибитокъ. Двое часовыхъ ходили передъ входомъ. У кибитки развивался на длинномъ древкѣ большой значекъ, красный съ семью бѣлыми звѣздами расположенными въ видѣ созвѣздія большой медвѣдицы. Это была генеральская кибитка.

Подойдя ближе, я замѣтилъ нѣсколькихъ человѣкъ полуголыхъ, на израненномъ тѣлѣ которыхъ, остатки одежды висѣли грязными, окровавленными лохмотьями. Люди эти сидѣли на корточкахъ, связанные по парно, подъ конвоемъ двухъ или трехъ казаковъ, опершихся на свои длинныя винтовки. Это были плѣнные хивинцы, пойманные нашими разъѣздами по близости лагеря... Несчастные нечаянно наткнулись на скрытый казачій секретъ и поплатились за свою оплошность.

Съ нихъ только-что былъ снятъ допросъ, послѣдствіемъ котораго, какъ я узналъ и была посылка за мною, отъ генерала.

Когда я вошелъ въ кибитку генерала, онъ сидѣлъ на складномъ табуретѣ, спиною ко мнѣ, и что-то писалъ. Я задѣлъ нечаянно шпорою за коверъ, потянуль его, и вообще своимъ появленіемъ надѣлалъ шуму.

— А, это вы? обернувшись привѣтствовалъ меня генераль.

— Ваше превосходительство изволили...

— Звалъ, звалъ, вотъ вамъ два конверта вы ответе ихъ полковнику А. въ передовой нашъ отрядъ... Онъ, какъ вы знаете, впереди насъ на одинъ переходъ. Однимъ словомъ вы постарайтесь въ ночь добратъся туда и поспѣть прежде чѣмъ онъ снимется съ ночлега... Понимаете?

— Понимаю, ваше превосходительство... пробормоталъ я, сознавая сколь опасно было возложенное на меня порученіе.

— Темнота ночи васъ прикроетъ... добавилъ генераль, внимательно смотря на меня. Это не такъ опасно какъ кажется съ перваго взгляда; къ тому же, у васъ такая прекрасная лошадь: кровный тюркмень, кажется?

— Да, ваше превосходительство; т. е. оно не то, чтобы кровный...

— Такъ вотъ вы поѣдете... Направленіе вамъ извѣстно, а что касается до подробностей пути, то такой отрядъ не могъ пройти по голой степи, не оставивъ за собою замѣтныхъ слѣдовъ, а проводники (да ихъ кстати и нѣтъ вовсе) вамъ не понадобятся. «Вы поѣдете съ закатомъ солнца. До свиданья... счастли-

ваго пути!.. Донесите мнѣ о часѣ и даже минутѣ вашего отъѣзда.

Молча я взялъ оба полновѣсные конверта, повертѣлъ ихъ въ рукахъ, поклонился и вышелъ.

Прійдя къ себѣ домой, я первымъ долгомъ завалился спать; я хотѣлъ подкрѣпить себя сномъ передъ безсонною ночью. Товарищи, узнавъ за чѣмъ меня требовалъ генералъ, не беспокоили меня.

Когда пришло время отправляться солнце уже закатилось. Медленно опускалось оно въ густую туманную полосу, и было багровое, словно распаленный чутунъ.

Вскочивъ на осѣдланную для меня лошадь, осторожно пробрался я мимо солдатскихъ палаточекъ и скоро выѣхалъ на просторъ, миновавъ послѣднія пары часовыхъ въ цѣпи. Ко мнѣ присоединились два уральскіе казака. Вскорѣ нашъ лагерь остался сзади—и съ каждымъ шагомъ нашихъ коней разнообразныя звуки, несшіеся изъ нашего лагеря, все стихали и стихали, замирая въ ночномъ воздухѣ.

Мертвая, тоскливая тишина охватила насъ кругомъ.

Разъ-два, разъ-два, разъ-два... отчетливо щелкалъ своими плоскими тюркменскими подковами мой Орликъ. Та-та та-та та-та та-та сѣменили тропотомъ моштаки казаковъ уральцевъ.

Съ двоякимъ чувствомъ посматривалъ я на этихъ коренастыхъ, обросшихъ бородами парней, безконечно согнувшихся на своихъ высокихъ сѣдлахъ. Я былъ доволенъ ихъ присутствіемъ и нѣтъ: доволенъ потому, что все-таки не одинъ въ этой мертвой степи, все есть хоть съ кѣмъ переброситься словомъ; за то на меня находило и другое чувство: я недовѣрчиво посмат-

ривалъ на толстоногихъ, откормленныхъ казачьихъ лошадокъ, неутомимыхъ на продолжительномъ тихомъ бѣгу, но далеко не быстрыхъ на-короткѣ. Что если мы наткнемся на какую нибудь партію хищниковъ!?!.. думалось мнѣ. Я ускачу на своемъ тюркменѣ. Мнѣ предоставлялся въ этомъ случаѣ выборъ: или гибнуть вмѣстѣ съ этими двумя казаками, или бросить ихъ тогда на произволъ судьбы и спастись самому, чтобы исполнить данное порученіе. Долгъ службы обязывалъ меня сдѣлать послѣднее, честь требовала перваго.

— А что я вамъ доложу, ваше благородіе заговорилъ казакъ подгоняя поближе ко мнѣ свою лошадь.

— А что?

— Хорошо, таперичи вотъ что, очень это было бы прекрасно... Коли-бы, ежели взять по лоскутку кошмы, да подвязать подковы конямъ снизу; важно было-бы!

— Это зачѣмъ?

— Теперь... темно, — значить, не видно; одначе тихо—и потому далеко слышно. Теперь, если мы подвяжемъ кошемки, пойдемъ мы ровно кошки, самымъ неслышнымъ шагомъ.

— Дѣло! согласился я, и мы все трое остановились, чтобы привести въ исполненіе предложенный планъ.

Болѣе получаса употребили мы, пока снова тронулись въ путь — и какъ оказалось, потратили совершенно бесполезно дорогое ночное время. Сначала пошло отлично... мы даже сами не слышали шаговъ своихъ коней, неслышно ступавшихъ въ своихъ мягкихъ башмакахъ, но увы! это было не надолго... Не прошли мы и трехъ верстъ по каменистому грунту, какъ снова послышалось знакомое бряканье... сперва изрѣдка, по-

томъ все чаще и чаще... Кошечки протерлись о каменистую почву и пришли въ полную негодность гораздо скорѣе чѣмъ мы предполагали.

Освободивъ щиколотки нашихъ лошадей отъ обрывковъ войлока, мы поѣхали дальше, оглашая степь мѣрнымъ щолканьемъ двѣнадцати подковъ. Не мало набрались мы и страха, встрѣчая то злобно ворчавшихъ волковъ надъ трупами павшихъ верблюдовъ или лошадей, которые намъ казались при туманной мглѣ, увеличивающей предметы, киргизскими кибитками, а волки—лошадьми; то пугало насъ стадо сайгаковъ, нечаянно набѣжавшее и казавшееся намъ, будто то ѣхали вонные тюркмены. Но мы все-таки продолжали путь, сдѣлавъ къ разсвѣту болѣе 30 верстъ. Передъ разсвѣтомъ поѣхали мы быстрѣе, опасаясь, что насъ откroютъ хищники и я не доставлю посылаемые со мною бумаги по назначенію.

Углы обоихъ конвертовъ, которые я засунулъ за пазуху рубахи, все время меня ужасно беспокоили; ихъ перекалывалъ то направо, то налѣво, прихватывалъ поясомъ; казалось, что пока хорошо укладывалось, — но это только казалось: черезъ минуту, двѣ, опять начиналось беспокойное подталкиваніе.

— И какъ это я сразу не догадался! подумалъ я, поспѣшно отстегнувъ сѣдельную кажаную сумку на потникѣ, предназначавшуюся для запасныхъ подковъ, и спряталъ туда бумаги.

— Тутъ много будетъ способнѣй, замѣтилъ казакъ, видя что я дѣлаю, — отсюда ни въ жисть не вывалятся!

Быстро начало свѣтать. Колыхнулся туманъ отъ

свѣжаго вѣтра; дымчатыми волнами погнало его вѣтромъ; мало по малу прояснилось; взошло солнце и потянулись отъ коней и всадниковъ длинныя тѣни.

— Много, однако они за день проперли! замѣтилъ одинъ казакъ.

Это замѣчаніе относилось къ передовому отряду, до котораго мы никакъ не могли добраться... Отрядъ дѣйствительно находился *только въ одномъ переходѣ*, — но въ какомъ?! въ такомъ, который можетъ совершить развѣ только туркестанскій отрядъ, гдѣ люди, какъ кажется, переняли отъ верблюдовъ терпѣніе, силу и выносливость.

— Теперь дѣло дрянъ, это точно ужъ! шепотомъ заговорили сзади меня казаки.

— Это, братъ, уже не сайгаки...

— Человѣкъ двадцать будетъ?

— Больше!..

— Пронеси Господь!.. Ваше благородіе!..

— Вижу, братъ, авось проберемся, подбодрилъ я казаковъ, а у самого сжалось сердце и явились тяжелыя мысли.

Вереница красныхъ точекъ подвигалась въ сторонѣ, пересѣкая нашу дорогу. Въ свой бинокль я ясно различалъ масти лошадей и вооруженіе всадниковъ... то были тюркмены—степные хищники, отважностью превосходящіе киргизовъ.

Круглые металлическіе щиты сверкали за спинами джигитовъ, когда кто нибудь изъ нихъ поворачивался спиной къ солнцу... Тюркмены должно быть не замѣчали насъ—да это имъ было довольно трудно, потому что мы пробирались ложиною въ тѣни, между тѣмъ

какъ они шли по гребнямъ наносныхъ песчаныхъ бугровъ, ярко освѣщенныхъ косыми лучами утренняя солнца.

Эта спасительная лощина, въ которую мы попали, тянулась на далекое разстояніе, наискось къ направлению нашего пути. Не выходя изъ нея, мы не должны были слишкомъ много уклониться отъ нашей дороги и потому мы рѣшились отнюдь не оставлять этой лощины, рассчитывая перегнать тѣмъ временемъ нашихъ враговъ... Если мы попадемъ прежде на точку пересѣченія лощины съ тѣмъ путемъ, по которому шли туркмены, то еще не все было для насъ потеряно.

Я пустилъ казаковъ впередъ, такъ какъ мнѣ приходилось соображать бѣгъ своего коня съ ихъ бѣгомъ и уральцы, пригнулись къ самымъ шеямъ коней, понеслись во всю прыть своихъ моштаконъ, погоняя ихъ увѣсистыми ударами ременныхъ нагаекъ... я пошелъ за ними сдержаннымъ галопомъ, зорко посматривая въ правую сторону, откуда могли показаться на перерѣзъ идущіе намъ барантаци.

Минуть пятнадцать скакали мы такимъ образомъ... Лощина кончилась; мы вынелись; на открытое мѣсто.

Дикій крикъ и какое-то волчье завыванье привѣтствовало наше появленіе... Непріятельскіе наѣзтники рассказали и пустились за ними, какъ борзые за зайцами.

— Не уйдти!.. тоскливо поглядывалъ назадъ казакъ.

— Богъ милостивъ! совершенно впрочемъ безнадежнымъ тономъ бормоталъ другой.

Я видѣлъ, что лошади преслѣдователей скакали

лучше. Разстояніе, отдѣлявшее насъ, становилось все меньше и меньше... Вотъ они насѣдаютъ... я слышу уже фырганье ихъ лошадей и торопливый, задыхающийся на скаку говоръ.

— А! вотъ оно что!... берегись!...

Жалобно пропѣла оперенная тростинка съ острымъ, гвоздеобразнымъ наконечникомъ... Другая стрѣла опередила меня слѣва, врѣзалась въ песокъ и переломилась.

Мы выскакали на вершину скалистого кургана.

— Стой братъ, теперь все равно не уйдти, рѣшительно осадилъ уралець своего моштаконъ и соскочилъ на землю.

Мгновеніе — и оба казака были пѣшкомъ, пустивъ своихъ запыхавшихся коней вольно, на длинные чумбуры.

Я одинъ остался верхомъ. Орликъ горячился и рвался впередъ. Его смущало это гиканье, несущееся намъ навстрѣчу.

Замѣтивъ наше намѣреніе туркмены тоже остановились и окружили нашъ курганъ. Они хорошо знали превосходство нашего оружія, чтобы рискнуть прямо броситься въ атаку, когда увидѣли передъ собою уже не бѣглецовъ, а людей приготовившихся къ отчаянной оборонѣ.

Они шагомъ ѣздили въ почтительномъ отдаленіи. Сложивъ трубою у рта руки, они посылали намъ самую обидную по ихъ мнѣнію брань и грозили издали своими длинными, гибкими какъ трость, пиками.

Я насчиталъ двадцать лошадей и восемнадцать всадниковъ, потому что двое изъ нихъ были, что назы-

вается о дву-конь, т. е. сидя на одной держали другихъ въ поводу. По всѣмъ признакамъ, это были *рыскачи* изъ шаекъ Садыка.

Солнце поднялось все выше и выше; мы начали чувствовать жажду. Солнечный жаръ могъ утомить и измучить насъ и нашихъ коней больше чѣмъ движеніе. Выжидательное положеніе, въ которомъ мы находились, становилось невыносимо.

— Ваше благородіе! окликнулъ меня казакъ.

— Что? отозвался я, не поворачиваясь къ нему и не спуская глазъ съ высокаго молодца въ остроконечной войлочной шапкѣ, такъ и вертѣвшагося на поджаромъ бѣломъ конѣ, передъ прицѣломъ моей двухстволки.

Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось влѣпнуть въ него зарядъ картечи изъ одного ствола! Трудно было мнѣ удерживаться отъ этого соблазна.

— Вонъ курганъ синѣетъ... вершина у него, словно спина верблюжья, двойнымъ горбомъ выходить... Тамъ онъ и есть.

— Что? тамъ есть?

— Отрядъ... мнѣ арбакешъ киргизинъ сказывалъ вчера... говорить: тамъ родники подъ курганомъ, у котораго гребень раздвоенный... Ну, вотъ онъ самый раздвоенный и есть.

Очень могло быть, даже да и дѣйствительно иначе быть не могло, что отрядъ находился отъ насъ близко, верстъ восемь, не больше. Разстояніе, которое мой Орликъ проскакалъ бы въ полчаса, даже менѣе — минутъ въ двадцать... Эхъ! не попытаться-ли? мелькнуло у меня въ головѣ.

— Намъ сидѣть долго всѣмъ не приходится; можетъ къ нимъ еще народъ подойдетъ, тогда плохо будетъ, говорилъ опытный уралецъ. — На своихъ коняхъ намъ тоже не уйдти, а вы на своемъ пожалуй и уйдете... Гоните въ лагерь, а мы ужъ отсидимся, дастъ Богъ, коли скоро на выручку къ намъ вышлите.

Я сознавалъ что предложеніе уральца было весьма благоразумно, и рѣшился оставить казаковъ однихъ. Бумиги должны быть утромъ у полковника — это необходимо... значить, во всякомъ случаѣ надо оставить казаковъ отсиживаться и возложить всю надежду на быстроту моего Орлика.

Я слѣзъ, opravилъ сѣдло, протеръ коню ноздри платкомъ, намоченнымъ въ водкѣ, поправился самъ и сѣлъ въ сѣдло...

Мои приготовленія должно быть были поняты туркменами, потому что они заволновались и стали стягиваться къ той сторонѣ, съ которой, по мнѣнію ихъ, я долженъ былъ пуститься.

А казаки межъ тѣмъ стреножили коней, положили ихъ, и прислонившись спинами другъ къ другу, приготовились отсиживаться.

— Ну, Орликъ, выноси! гикнулъ я. — Помогай вамъ Богъ! обернулся я на мгновеніе къ казакамъ и далъ коню волю.

Орликъ прыгнулъ какъ дикая коза, заложилъ назадъ уши и ринулся впередъ. Вдругъ что-то щелкнуло о его крупъ; онъ присѣлъ; мнѣ казалось, что онъ спотыкнулся на заднюю ногу, — однако справился и поскакалъ.

Выстрѣлы моей двухстволки, направленные почти

въ упоръ въ скуластыя, уродливыя рожи тюрменъ за-городившихъ мнѣ дорогу, разчистили путь. Тонкое остріе тюркменской пики задѣло меня слегка въ бокъ и разорвало рубаху.

— Выноси, Орликъ, выноси! шепталъ я на ухо своему скакуну. Слыша за собою вытье преслѣдователей, нѣсколько разъ я оборачивался. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ пихнетъ меня въ спину что нибудь острое, — но каждый разъ, когда я оглядывался назадъ, я не безъ удовольствія замѣчалъ, какъ все болѣе и болѣе растягивался промежутокъ между мною и тюркменами.

Но вотъ мой Орликъ началъ ослабѣвать, я чувствовалъ, какъ все тяжелѣе и тяжелѣе становились его скачки; я чувствовалъ, какъ рѣзкій свистъ вѣтра, несшійся мнѣ навстрѣчу, становился все тише и тише... и снова громче прежняго, ближе раздавались страшные крики сзади.

— Неужели лошадь слабѣетъ, неужели она утомляется? Но этого не могло быть! я зналъ свойства своего коня... Боже... что это? Бѣдный Орликъ раненъ, и ослабѣетъ. А вѣдь уже не много до отряда... вотъ уже ясно очерчиваются *Верблюжьи Горбы*; черныя точки мелькаютъ впереди: никакъ бѣлыя солдатскія рубахи мелькнули...

Вдругъ Орликъ остановился, присѣлъ назадъ и зашатался... Выхвативъ револьверъ, я соскочилъ съ сѣдла — и въ тоже мгновеніе былъ сбитъ съ ногъ наскокившими на меня лошадьми.

Я ничего больше не помнилъ.

Сопѣнье, храпъ, тупой ударъ по темени, какая-то

отвратительная вонь и рѣзкая, колющая боль. въ боку... вотъ все, что осталось у меня въ памяти.

Голова у меня болѣла невыносимо, тупо, и въ ушахъ стоялъ непрерывный гулъ; лѣвой руки я почти не чувствовалъ вовсе. Я испытывалъ то ощущение, когда, что называется, отлежишь руку; острия покалыванія перебѣгали въ пальцахъ и по всей ладони. Но болѣе всего страданій причиняли мнѣ щиколотки ногъ; онѣ были такъ туго перевязаны тонкою волосяною веревкою, что арканъ перетеръ уже давно кожу и, весь окровавленный, все дальше и дальше врѣзывался въ мясо, производя рѣжущуюся жгучую боль, отъ которой я вѣроятно и началъ приходить въ чувство...

Меня сильно покачивало; чья-то рука придерживала меня за поясъ, кругомъ фыркали и топали лошади, слышался неясный гортанный говоръ... Вотъ выстрѣлы — одинъ, другой, третій... цѣлая перестрѣлка доносилась откуда-то очень изъ далека... Стихла..., опять началась еще дальше.

— Уйдемъ, уйдемъ, береги только конскую прыть... уйдемъ! ободрительно, не громко, говорилъ голосъ, близко около меня; это произнесъ, какъ мнѣ показалось по крайней мѣрѣ тотъ, чья рука придерживала меня за сѣдломъ въ такомъ неудобномъ положеніи... Слова эти были произнесены незнакомымъ голосомъ, не русскимъ языкомъ, и ничего не имѣли для меня утѣшительнаго.

Я догадался: во-первыхъ, что я въ плѣну, а во-вторыхъ, что нѣтъ уже надежды на избавленіе... Они уходятъ, значитъ ихъ не догонять, а догонять могли только

наши — русскіе, вѣроятно тѣ самые, которыхъ я видѣлъ вдали, падая вмѣстѣ съ своимъ Орликомъ...

Дышать тяжело... воздуху нѣтъ! Я опять пересталъ все слышать, теряя сознаніе.

— Сдохъ!.. неожиданно и совершенно ясно услышалъ я голосъ.

— Пожалуй что! говорилъ другой.

— Нѣтъ, дышать. Да все равно, скоро окопѣетъ!

— Это его Гассанъ такъ по затылку огрѣлъ.

— Барахтался очень, оттого и огрѣлъ. Да что съ нимъ возиться—брось! Все равно живаго не довезешь до стана! Только задержка одна.

— Чего задержка! вѣдь ушли... ну а къ ночи дома будемъ... Мулла Садыкъ халать дастъ за него... Вѣдь это должно быть большой «тюра» *)

— Все равно привести: что все тѣло, что одну голову,—а везти много удобнѣе будетъ. Отрѣжь-же...

— погоди, можетъ очнется; все живьемъ лучше.

— Не очнется.

— Ну тамъ посмотримъ.

Я слышалъ весь разговоръ такъ отчетливо ясно и хорошо понималъ смыслъ и ужасъ этого спора безжалостныхъ людей. Боже, какъ мнѣ захотѣлось очнуться!

Я собралъ всѣ свои силы. Я сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе, и застоналъ.

— Эй! ободрительно крикнулъ первый голосъ.

— Замычалъ баранъ! ха-ха! усмѣхнулся другой.

— Приѣдемъ на колодцы—водой облить нужно—совсѣмъ очнется.

— Гайда, гайда!

И опять погрузился я въ безпамятство, и не слышалъ уже ничего кромѣ неяснаго, мало-по-малу затихающаго, неопредѣленнаго гула.

Очнувшись я увидѣлъ, что мы остановились въ глубокой котловинѣ. Лошади стояли порознь, на приколѣнѣ. Тюркмены были тутъ-же, одинъ стоялъ ко мнѣ спиною, нагнулся—и, часто перебирая руками, вытягивалъ на веревкѣ, изъ ближайшаго колодца, кожаное ведро; другой на корточкахъ сидѣлъ не подалеку и перетиралъ между мозолистыми ладонями горстку зеленого табаку для жвачки; третій возился съ кучкою собраннаго сухаго помета и пытался развести огонь, раздувая тлѣющій лоскутокъ тряпичнаго трута; четвертый лежалъ ничкомъ на пескѣ, и тихо стоналъ, ерзая животомъ по влажной его поверхности.

Самъ лежалъ я съ связанными ногами, а руки стянуты были за спиной, и черезъ локти просунута была палка. Голова моя была совершенно мокра, вокругъ меня стояла лужа воды всасывающейся въ песокъ. Должно быть меня только что облили, подумалъ я, припомнивъ предположеніе объ этомъ тюркменѣ, дорогою.

— Пить дайте, пить! простоналъ я, едва только успѣлъ сообразить все окружающее.—Воды!..

— Ага, братъ, и по нашему говорить умѣешь. Гассанъ, дай ему ведро. Вотъ видишь-ли — очнулся совсѣмъ, живаго привеземъ. Теперь уже не далеко!

Одинъ изъ тюркменъ порылся въ кортукахъ (переметныхъ сумкахъ), досталъ оттуда кусокъ сухаго, твердаго какъ камень, овечьяго сыра, называемаго по-киргизски: круть; потомъ отдѣлилъ отъ него небольшую часть и распустилъ въ водѣ на днѣ кожаннаго ведра.

*) (Тюра) начальникъ.

— На, локай! сунуль онъ мнѣ ведро къ самому лицу.

Я приподнялся на локтѣ, приподнялъ голову и даже застоналъ отъ боли. Я не могъ воспользоваться предложеннымъ мнѣ питьемъ.

— Развяжи ему руки!

— Совсѣмъ развяжите, совсѣмъ.... Ноги болятъ.... стоналъ я:—зачѣмъ меня мучить, я не уйду... Васъ много, я одинъ,—чего боитесь?

— Да, одинъ! небось тамъ такъ барахтался, что коли бы я не сломалъ приклада о твою голову — ничего бы съ тобою не сдѣлать! Просто зарѣзать приходилось!

— Вонъ, гляди, Мосолъ все съ своимъ брюхомъ возится!... кивнуль другой въ ту сторону, гдѣ лежалъ раненный тюркмень;—все твоихъ рукъ дѣло!...

— А, знаешь, его надо и въ самомъ дѣлѣ распутать; пусть отдохнетъ, послѣ опять скрутимъ.

— Пѣшій въ степи не убѣжить, да и на такихъ ногахъ... усмѣхнулся тюркмень, глядя на мои искалеченныя веревками ноги.

Меня развязали... часа полтора по крайней мѣрѣ лежалъ я навзничъ лицомъ къ небу, пока вполне восстановилось кровообращеніе... Слабыми дрожащими руками подтянуль я къ себѣ ведро, чуть не опрокинуль его... захватилъ зубами за его край и всосалъ въ себя кисловатую, сильно пахнущую потомъ, сырную гущу... Я почувствовалъ себя много свѣжѣе, только тупая боль въ головѣ беспокоила меня... я ощущалъ рукою болезненное мѣсто: громадная шишка находилась у меня какъ разъ надъ лѣвымъ ухомъ, волоса вокругъ были совер-

шенно склеены запекшеюся кровью... лѣвымъ глазомъ я видѣлъ гораздо хуже чѣмъ правымъ...

— Ты куда это ѣхалъ?... спросилъ меня, пытливо оглядывая съ ногъ до головы, первый барандачъ.

— Въ отрядъ, что впереди стоялъ... отвѣчалъ я, быстро приготовляясь къ предстоящему вопросу.

— Зачѣмъ?...

— Послали меня... а зачѣмъ—про то начальники знаютъ!

— Гм! да ты самъ развѣ не начальникъ?...

— Нѣтъ, я простой сорбазъ (солдатъ). Какой я начальникъ!... проговорилъ я стараясь скрыть свое настоящее званіе. Я зналъ, что это могло бы пригодиться мнѣ впоследствии: за плѣнными солдатами во-первыхъ, гораздо меньше присмотра, а во-вторыхъ, гораздо меньше придиорокъ и хлопотъ, если бы начался обмѣнъ плѣнныхъ...

— Не хитри, не лижи языкомъ грязи! Вонъ тѣ двое, что остались отсиживаться, то простые; а ты тюра... мы, братъ, тоже не въ первый разъ вашего брата видимъ!

— Какъ знаешь!

— То-то!... что же это ты такъ просто по степи ѣхалъ, или не зналъ, что мы тутъ же держимся?...

— А чего мнѣ васъ бояться?

— А вотъ видишь чего!...

Помолчали всѣ немного. Слышно было только, какъ стоналъ и охалъ тюркмень, теперь уже скорчившійся такъ, что лицо его приходилось у самыхъ колѣнъ...

— Пулька твоя маленькая въ животѣ у него си-

дить, объяснилъ мнѣ Гассанъ причину страданій своего товарища.

Опять наступила ночь, настоящая степная ночь: тихая, душная, съ мерцающими сквозь туманную мглу звѣздами.

Мнѣ опять связали локти и просунули сзади между ними обломокъ пика; ноги, впрочемъ, оставили мнѣ на свободѣ... Но къ чему они могли бы послужить мнѣ, когда я положительно неспособенъ былъ подняться даже на колѣни. Тюркмены очень хорошо замѣтили это и потому не позаботились даже стеречь меня ночью, — а всѣ четверо крѣпко заснули, за исключеніемъ только раненаго, который сначала непрерывно и тихо стоналъ а тамъ скоро и умеръ. Еще до разсвѣта поднялись тюркмены и захвативъ съ собою умершаго, всѣ выѣхали изъ котловины.

Весь день ѣхали мы по степи подъ солнечнымъ зноемъ.

Къ вечеру я замѣтилъ вдали какую-то бѣловатую полосу. То была рѣка Аму-Дарья.

— Дарья... Дарь!.. протянулъ Гассанъ впередъ свою руку, вооруженную нагайкою.

— Дарья! отозвались остальные, болѣе веселымъ голосомъ.

Даже лошади обрадовались водѣ и чуяли хорошій отдыхъ; онѣ замѣтно поддали ходу.

Чѣмъ ближе подходили мы къ Аму-Дарьѣ, тѣмъ яснѣе и яснѣе видѣлся передъ нашими глазами необъятный военный лагерь степныхъ кочевыхъ народовъ.

Весь берегъ, до самыхъ отмелей, занятъ былъ киргизами, адаевцами и другими народами, сочувствую-

щими хивинскому хану. Кони воинственныхъ тюркменъ пущены были на подножный кормъ ихъ держали на приколѣ, совершенно осѣдланыхъ и во всякую минуту готовыхъ къ бѣгу. Грудью торчали пики туркменъ; кольчуги и щиты ихъ сверкали на солнцѣ. Островерхія палатки откинутае дальше, ярко зеленѣли. Вездѣ народъ, вездѣ движеніе. Цѣлыя стада овецъ пригнаны были къ лагерю и столпились у воды тѣсными группами, а верблюдовъ столько что и не пересчитать, всѣ склоны берега усеяны медленно двигающимися, бурными, горбатыми массами.

— Гайда, гайда! покрикивали мои конвойные.

— Съ барышемъ... съ добычею! кричали имъ попадающіеся навстрѣчу наѣзтники. — Гдѣ взяли?..

— Тамъ, гдѣ и для васъ много осталось! уклончиво отвѣчали тюркмены. — Тюра-Садыкъ дома что-ли?

— Мулла вчера ушелъ на развѣдки, — «черные» съ нимъ пошли...

— Когда назадъ будетъ?

— А кто его знаетъ!..

— Жаль!.. а мы было думали... Наши на томъ-же мѣстѣ стоятъ?

— На косѣ, за камышами.

Мы, подъѣхавъ къ самому берегу рѣки, остановились на краю большаго тюркменскаго становища.

Меня страшно мучилъ голодъ: кромѣ крута, выпитаго съ водою еще на прошедшемъ ночлегѣ, я положительно ничего не имѣлъ во рту. Мои мучители, кажется, забыли обо мнѣ — и, спокойно расположившись на пескѣ, вокругъ маленькаго огонька, на которомъ пѣлъ чугунный плоскій котелокъ, даже и не глядѣли

въ мою сторону. Меня положили между двухъ большихъ тюковъ съ чѣмъ-то; въ двухъ шагахъ отъ меня сонѣла и страшно воняла косматая верблюжья голова.

— Эй, Гассанъ! рѣшился я окликнуть одного изъ сидящихъ у котла.

Тотъ, казалось, не понялъ сразу откуда его зовутъ. Я повторилъ призывъ.

— Какъ... это ты? усмѣхнулся Гассанъ, — чего тебѣ?

Онъ всталъ и, неловко шагая по песку въ своихъ сапогахъ съ острыми каблуками, подошелъ ко мнѣ и сѣлъ на одинъ изъ тюковъ.

— Коли я вамъ живой нуженъ, а не одна моя голова, такъ вы ужь не морите меня жаждою и голодомъ. Вамъ же никакой отъ того прибыли не будетъ...

— Ишь ты какой! Ну, вотъ погоди, завтра утромъ придетъ миржа одинъ, онъ хотѣлъ у насъ купить тебя — онъ тебя и кормить будетъ.

Очевидно тюркмены передумали сдать меня Садыку, котораго не оказалось въ лагерѣ, — и рѣшили продать меня первому покупщику, чтобы, во-первыхъ, развязать себѣ руки, а во-вторыхъ, поскорѣе воспользоваться барышемъ отъ своей военной прогулки.

— А все-же дайте ѣсть, простоналъ я, — пить дайте!.. умру до завтра... Пить!.. слышите, пить!..

Я подползъ къ Гассану и уцѣпился за полу его халата; я рѣшился добиться, во что бы то ни стало, воды и пищи, или же получить второй ударъ прикладомъ по темени, который, можетъ быть, окончательно успокоилъ бы мои страданія, начинавшія становиться невыносимыми.

— Ну, ну... ты и въ правду подумалъ, что тебя

уморить хотять... Вотъ погоди — поспѣетъ (Гассанъ кивнулъ на котелъ) и тебѣ дадутъ. Лежи пока смирно...

Онъ отошелъ отъ меня и опять занялъ свое мѣсто, продолжая начатый имъ какой-то рассказъ о прежнихъ своихъ подвигахъ.

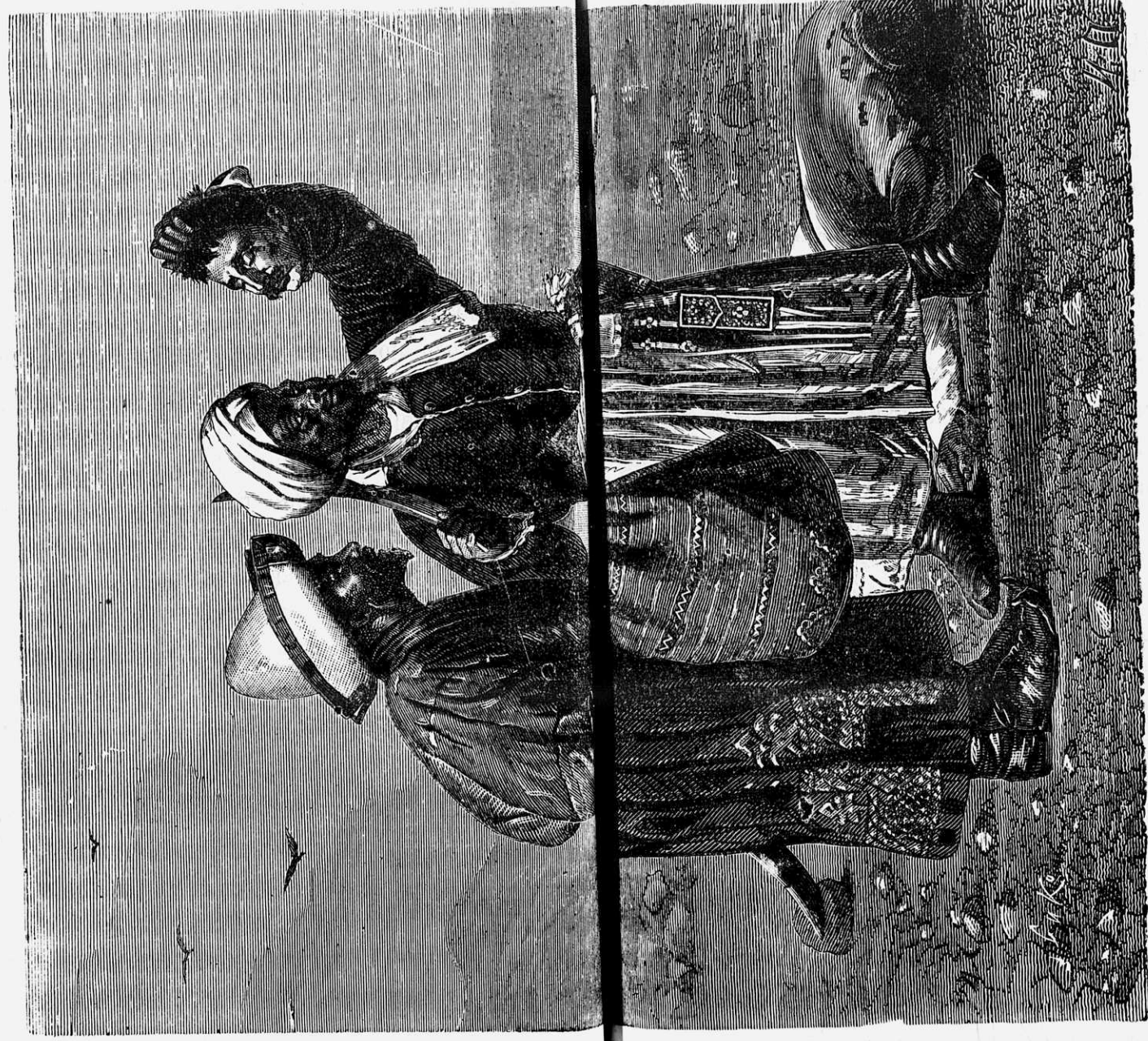
Въ эту ночь движеніе и шумъ почти не затихали ни на минуту, по всему становищу. Мнѣ даже казалось, что въ этомъ смѣшанномъ гулѣ было что-то тревожное; это положительно не былъ обыкновенный шумъ, неизбежный при такой многолюдности.

Около полуночи засуетились «тюркмены на косѣ», лошадей начали взнуздывать и выбираться дальше отъ берега. Мимо насъ потянулся самый безпорядочный караванъ навьюченныхъ и просто свободныхъ верблюдовъ, проскрипѣло нѣсколько двухколесныхъ арбъ; нѣшіе шли толпами, видимо спѣша куда-то. Конные пошли напрямикъ вбродъ черезъ водный плесъ, далеко вдающийся въ песчаные низменные берега. Все стремилось отъ воды дальше, словно на водѣ и находилась настоящая причина тревоги.

Впослѣдствіи я узналъ, что эту тревогу надѣлали наши гребные суда, подходившія сверху; вѣсть о приближеніи которыхъ принесли сторожевые отряды.

Тронулись и тюркмены. Я очутился на верблюдѣ, привязанный сбоку на одномъ изъ тѣхъ тюковъ, что лежали подлѣ меня.

Почти до разсвѣта шли мы, охваченные со всѣхъ сторонъ самою безпорядочною массою людей и животныхъ. Показались всадники въ дорогахъ, шитыхъ золотомъ и обложенныхъ мѣхомъ, халатахъ, въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ; за этими всадниками везли

Туркмены возвратившіеся съ набѣга.

значки на длинныхъ древкахъ, украшенные конскими хвостами. Гремя, звеня, брякая, издавая всевозможные звуки—протащи́лась допотопная артиллерія, состоящая изъ трехъ или четырехъ пушекъ, запряженныхъ десяткомъ кое-какъ спутанныхъ лошадей.

Вдругъ все это остановилось, шарахнулось всторону и заволновалось. Если бы не было кругомъ такого оглушительнаго крика, визга, говора, ржанья лошадей и рева верблюдовъ,—я бы вѣрно слышалъ трескъ разрыва гранаты надъ нашими головами — теперь же я видѣлъ только маленькое бѣловатое облачко, внезапно вспыхнувшее въ воздухѣ — и больше ничего. Другое такое же облачко вспыхнуло еще ближе, два или три всадника кувырнулись ногами кверху. Верблюды, везшій меня, спотыкнулся и рухнулъ на землю, — еще счастье, что не на мою сторону. Врознъ шарахнулось все живое.

Теперь ясно уже слышались отдаленные выстрѣлы; это были глухіе, словно громовые удары... я узналъ выстрѣлы нашихъ пушекъ!

А!.. вотъ запрыгала картечь, прокладывая себѣ дорогу въ кучки людей и животныхъ, и вотъ эта куча, вся ринула въ бѣгство, вся перепуталась между собою... на всѣхъ напалъ паническій страхъ, казалось, всѣ потеряли всякое сознаніе.

Я видѣлъ Гассана. Онъ вертѣлся на своемъ армакѣ и озира́лся кругомъ; должно быть онъ искалъ меня. Я забился, сколько могъ, за свой тюкъ, съ другой стороны на меня повалилась издыхающая лошадь и совершенно скрыла меня отъ глазъ тюркмена.

Мнѣ чудилось все это словно во снѣ. Всадники на

маленькихъ лошадакахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, въ бѣлыхъ шапкахъ съ наматыльниками, замелькали передъ моими глазами.

Очну́лся же я въ палаткѣ капитана Г... одного изъ моихъ товарищей; около меня сидѣлъ докторъ. За холстиною палатки сопѣлъ и посвистывалъ походный самоваръ; а мнѣ казалось, что все еще продолжается мой сонъ.

За свою неудачную поѣздку я заплатился двухнедѣльною горячкою, послѣ которой, однако, я поправился очень быстро.

Впрочемъ, я напрасно называлъ поѣздку свою неудачною. Цѣль ея была достигнута, а это только и нужно было. Бумаги, съ которыми я былъ посланъ, отысканы были казаками въ сѣдлѣ моего погибшаго Орлика. Начальникъ отряда, получивъ бумаги, сдѣлалъ нападеніе на становище туркменъ; что и послужило мнѣ спасеніемъ. А то, можетъ быть, пришлось бы мнѣ испытать тягость неволи или заплатить головою.

По крайней мѣрѣ въ будущемъ становятся уже менѣе возможными случаи, подобно изображенному на прилагаемомъ при семъ рисункѣ, гдѣ туркмены, возвратившіеся съ набѣга, хвастаются одинъ передъ другимъ своими подвигами и показываютъ головы застигнутаго въ располхъ и перерѣзаннаго русскаго пикета или пограничнаго отряда,—случай весьма нерѣдкій въ недавно минувшіе еще дни.